

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Свящ. В. Жмакин

К истории русской богословской
мысли тридцатых годов текущего
столетия: из переписки братьев
князей Ш.-Шихматовых

Опубликовано:

Христианское чтение. 1890. № 7-8. С. 3-64.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

Къ исторіи русской богословской мысли тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія: изъ переписки братьевъ князей Ш.-Ших- матовыхъ.

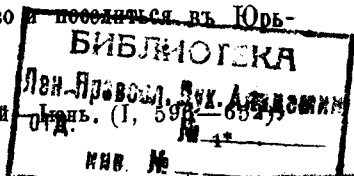
(Окончаніе ¹⁾).

V.

Князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, въ концѣ 1827 года, подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы при Морскомъ корпусѣ. Дѣло объ отставкѣ почему-то затянулось на долго. Въ мартѣ слѣдующаго 1828 года, князь Сергій, не дождавшись указа объ отставкѣ, уѣхалъ изъ Петербурга и, въ концѣ великаго поста, прибылъ въ Юрьевъ монастырь. Отсюда, при наступленіи лѣта, онъ предполагалъ предпринять путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ и прежде всего отправиться въ Кіевъ. Но братья, князья Павелъ и Алексій Александровичи, настойчиво требовали, чтобы князь Сергій поскорѣе прибылъ къ нимъ въ село Архангельское, для разъясненія возникшихъ между ними религіозныхъ разномнѣній. Князь Сергій уступилъ требованіямъ своихъ старшихъ братьевъ и, лѣтомъ 1828 года, прибылъ на свою родину, въ село Архангельское. Здѣсь между братьями происходили продолжительныя и горячія пренія по извѣстнымъ уже спорнымъ богословскимъ вопросамъ.

Князь Сергій Александровичъ, между прочимъ, объявилъ братьямъ о своемъ желаніи принять монашество и поселиться въ Юрь-

¹⁾ См. предш. кн. «Христ. Чтенія». Май

евомъ монастырѣ и просилъ ихъ, какъ старшихъ братьевъ, благословить его на предпринимаемый имъ иноческій подвигъ. Братья, и раньше не одобрявшіе намѣренія Сергія о принятіи имъ монашества, высказались и теперь противъ этого его намѣренія вообще, а также и противъ поступленія его въ Юрьевъ монастырь въ особенности. Для того, чтобы подѣйствовать на своихъ братьевъ въ пользу своихъ намѣреній и отклонить ихъ возраженія какъ противъ монашества, такъ и противъ Юрьева монастыря, князь Сергій сообщалъ братьямъ какое-то особое откровеніе свыше, бывшее относительно его одному изъ братій Юрьева монастыря, которымъ онъ, князь Сергій, призывался къ монашескому постриженію и подвигамъ именно въ Юрьевомъ монастырѣ. Это откровеніе изложено было въ письмѣ, запечатанномъ семью печатами, съ англійскою надписью религіознаго содержанія. Писателемъ письма съ откровеніемъ, да и изобрѣтателемъ послѣдняго¹⁾ былъ о. архимандритъ Фотій, который, по предположенію братьевъ, воспользовался печатью съ англійскою надписью отъ графини А. А. Орловой, пояснившей писателю письма и самый смыслъ англійской надписи. Къ сожалѣнію, въ перепискѣ братьевъ не встрѣчается никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о характерѣ и содержаніи откровенія. Такъ какъ князь Сергій подробно сообщилъ о немъ своимъ братьямъ устно, при личномъ свиданіи, то въ дальнѣйшей перепискѣ

¹⁾ Архимандритъ Фотій вообще любилъ окружать свои дѣйствія особенною таинственностію. Разъ прибылъ въ Юрьевъ монастырь съ мѣста родины о. Фотія одинъ молодой парень, страдавшій какою-то болѣзнію. Архимандритъ-землякъ пріютилъ больного парня у себя въ монастырѣ, и тотъ здѣсь скоро оправился отъ своей болѣзни. Разъ о. Фотій пригласилъ его къ себѣ въ келлію и далъ ему большую просфору, съ тѣмъ, чтобы тотъ ѣлъ просфору, отламывая отъ нея по маленькому кусочку, и въ то-же время читалъ молитву: «Богородице, Дѣво радуйся». Сдѣлавъ такого рода указаніе, о. Фотій тотчасъ-же вышелъ изъ келліи. Парень сталъ ѣсть просфору, вдругъ слышитъ, что у него во рту что-то завѣнѣло. Оказалось—золотой. Въ это самое время Фотій возвратился въ свою келлію и, на рассказъ удивленнаго земляка о находкѣ въ просфорѣ, сказалъ: «возьми золотой себѣ, это тебѣ Богородица дала.» Свѣдѣнія объ о. Фотіи, собранныя на мѣстѣ его родины, въ с. Ямъ-Тесовѣ, Новгородской губ. и уѣзда. Сообщилъ И. П. Можайскій. «Историч.» Вѣстникъ 1888 года, т. XXXII, стр. 148.

между полемизирующими братьями и не представлялось надобности распространяться о подробностях факта, который хорошо известенъ былъ обѣимъ сторонамъ.

Разсказъ князя Сергія объ откровеніи не произвелъ особеннаго дѣйствія на братьевъ. Онъ заслоненъ былъ другими разсужденіями. Предъ отъѣздомъ князя Сергія изъ села Архангельскаго, между нимъ и его братьями установилось видимое согласіе по всѣмъ спорнымъ богословскимъ вопросамъ. Братья свое единеніе въ религиозныхъ взглядахъ засвидѣтельствовали въ особомъ письменномъ такъ называемомъ ими „примирительномъ актѣ“. Князья Павелъ и Алексѣй Александровичи дозволили, подъ условіемъ единенія и согласія въ религиозныхъ мнѣніяхъ, князю Сергію какъ принятіе монашества, такъ и поступленіе въ число братіи Юрьева монастыря.

По отъѣздѣ князя Сергія изъ села Архангельскаго, оставшіеся въ немъ братья стали вдумываться въ смыслъ происходившихъ между ними богословскихъ разсужденій. Неизвѣстно почему, у нихъ скоро закралось подозрѣніе относительно искренности состоявшагося единенія въ спорныхъ вопросахъ и особенно сильно стало развиваться у нихъ недовѣріе къ направленію, господствовавшему въ Юрьевомъ монастырѣ. У братьевъ составился взглядъ на Юрьевъ монастырь какъ на такое мѣсто, гдѣ „имѣютъ пріютъ противныя церкви мнѣнія“. Выходя изъ такого взгляда на Юрьевъ монастырь, братья стали высказываться самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ поступленія Сергія въ этотъ монастырь. „Скорѣе мы“, писали братья Сергію, „согласимся видѣть тебя, любезный другъ, на концѣ свѣта отъ насъ, нежели въ Юрьевомъ монастырѣ; кромѣ Юрьева монастыря не держимъ тебя ни въ какой другой“. Кромѣ того, братья совѣтовали Сергію поступить въ какойнибудь другой монастырь, но „только не богатствомъ, а бѣдностію знаменитый“.

Князь Сергій Александровичъ догадывался, что причина нерасположенія его братьевъ къ Юрьеву монастырю кроется въ сильномъ недовѣрїи ихъ къ настоятелю этого монастыря архимандриту Фотію и потому поставилъ своею задачею выставить предъ ними

въ надлежащемъ видѣ великую и свѣтлую личность о. Фотія. Самъ онъ съ величайшимъ благоговѣніемъ относился къ о. Фотію, который, по его словамъ, явился „свыше избраннымъ благодатию Божією защитникомъ церкви Божіей отъ сильнаго нападенія враговъ ея“, а управляемый имъ монастырь не былъ „гнѣздомъ какого нибудь раскола или еретичества, какъ представляли братья, а, напротивъ, представлялъ изъ себя хранилище церковнаго православія“. Князь Сергій смотрѣлъ на своего архимандрита, какъ на воплощѣннаго святаго мужа, обладавшаго даромъ чудесъ и исцѣленій. Онъ называлъ Фотія „избраннымъ орудіемъ благодати Божіей“. Въ доказательство высоты нравственнаго характера своего настоятеля, князь Сергій отправилъ къ своимъ братьямъ рукопись съ подробнымъ описаніемъ одного чуда, совершеннаго Фотіемъ. Это чудо было — изгнаніе бѣса изъ одной бѣсноватой женщины. Одна искательница приключеній явилась въ Юрьевъ монастырь и объявила архимандриту, что въ ней бѣсъ. Архимандритъ Фотій сталъ ее отчитывать, и бѣсъ, по словамъ больной, оставилъ ее. Фотій, несколько не подозрѣвая здѣсь обмана, помѣстилъ исцѣленную по близости монастыря и самъ сталъ относиться къ ней, какъ къ личности святой и богоугодной. По ея совѣту, Фотій сталъ созывать въ монастырь, для слушанія вечерняго правила, дѣвушекъ окрестныхъ деревень, изъ коихъ нѣкоторыя, подъ разными предлогами, оставались въ монастырѣ и на ночь. Отсюда пошли неблаговидные толки и сплетни. Дѣло дошло до высшаго начальства. Мнимоисцѣленную велѣно было выслать изъ Юрьева монастыря, а архимандриту Фотію послѣдовалъ строгій выговоръ. Если главный виновникъ мнимаго чуда сдѣлался жертвою обмана, то такою же жертвою былъ, въ данномъ случаѣ, и князь Сергій, въ простотѣ сердечной видѣвшій въ мнимобѣсноватой женщинѣ дѣйствительно исцѣленную. Въ подтвержденіе своего взгляда на о. Фотія, какъ на угодника Божія, одареннаго силою чудотворной, князь Сергій сообщалъ своимъ братьямъ о новомъ чудѣ, совершенномъ о. Фотіемъ. Въ Юрьевѣ монастырѣ жилъ одинъ схимникъ, два года страдавшій водяною болѣзнію, которую, по ея безнадежности, отказались лечить всѣ врачи, предсказывавшіе больному близкую

кончину. О. Фотій взялъ больного къ себѣ въ келлію, и умиравшій схимникъ чрезъ недѣлю совершенно выздоровѣлъ.

Князья Павелъ и Алексѣй Александровичи не убѣдились доводами своего брата. Они съ большою разборчивостію отнеслись ко всѣмъ его сообщеніямъ и остались при прежнихъ своихъ взглядахъ на Юрьевъ монастырь и на его настоятеля. Братья всесторонне рассмотрѣли сообщенное имъ Сергіемъ откровеніе и нашли его плодомъ не божественнаго внушенія, а грѣховнаго человѣческаго измышленія. Точно также въ исцѣленіи бѣсноватой, съ которымъ они познакомились изъ присланной княземъ Сергіемъ рукописи, они не хотѣли видѣть чуда, а бѣсноватую женщину называли не болѣе какъ притворной кликушей. Братья никогда не переставали вооружаться противъ вступленія князя Сергія въ Юрьевъ монастырь.

Точно также непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи остался и князь Сергій Александровичъ. Онъ, не смотря на всѣ настоянія братьевъ, по принятіи монашества вступилъ именно въ число братіи Юрьева монастыря и сдѣлался однимъ изъ самыхъ преданнѣйшихъ учениковъ (по монашеству) архимандрита Фотія.

Не смотря на разность во взглядахъ, и на независимость своихъ дѣйствій, и особенности образа жизни, между князьями Павломъ и Алексѣемъ Александровичами съ одной стороны и княземъ Сергіемъ Александровичемъ съ другой никогда не прекращались, даже нисколько не охлаждались взаимныя родственныя чувства. Это замѣчательная черта всѣхъ братьевъ, возможная только среди такихъ высокихъ религіозно-нравственныхъ характеровъ, какіе составляли принадлежность всѣхъ членовъ семейства князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ.

Письмо князя Сергія Александровича Ш. Шихматова къ братьямъ Павлу и Алексѣю Александровичамъ, отъ 17 января 1828 года, изъ С.-Петербурга.

Миръ вамъ отъ Господа, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!
Извѣщаю васъ, что я не получалъ еще указа объ отставкѣ, такъ что опасаюсь, чтобы замедленіе сіе не заставило меня дожидаться здѣсь.

И великаго поста, а святое время четыредесятницы, время показанія и очищенія, и по сему отношенію для меня многогрѣшнѣйшаго особенно важное и драгоцѣнное, имѣю я ревностнѣйшее желаніе провести все въ обители святой св. великомученика Георгія (1), у почтеннѣйшаго отца Фотія, дабы тамъ, такъ сказать, взять первый урокъ высокаго ученія жить во святомъ по Бозѣ уединеніи, и дабы, чувствуя совѣсть свою изъязвленную, испросить не моими недостойными молитвами, но молитвами подвижниковъ Божіихъ, себѣ отъ Господа прощеніе и благословеніе на путь странствія къ святымъ мѣстамъ и въ вѣчности, послѣ же четыредесятницы (въ сіи предположенія утверждая на ономъ словѣ—аще Господь повелитъ, и живъ буду), дождавшись въ ожиданіи просушки 23 апрѣля, памяти святаго великомученика, покровителя обители и моего великаго заступника, помолиться ему усерднѣйше и испросить напутствованіе его защищенія отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. По сей причинѣ, теперь никакъ нельзя мнѣ пуститься въ Архангельское, да и послѣ еще не прямо туда стезя мнѣ указывается. Ибо, почитая по совѣсти жребій званія моего рѣшеннымъ уже на высшемъ судилищѣ, въ чемъ и вашего подтвержденія не отчаиваюсь, долженъ, не говоря уже о издержкахъ, дорожить удобствомъ лѣтнаго пути и времени для совершенія назначимаго путешествія, никто же возложь руку на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи (Лук. X, 62); и путь предлежитъ великій и не безтрудный, а именно въ Кіевъ (туда по бѣлорусскому тракту четыреста верстъ выинется противъ московскаго), гдѣ и пожить надобно будетъ, дабы воспользоваться святынею онаго, въ Ахтырѣу, въ Курскѣ на поклоненіе Царицѣ небесной предъ Ея чудотворящими иконами; потомъ для сей причины желаю отъ всего сердца припасть къ стопамъ Ея и въ Казани, имѣя по Ея дару особенное благоговѣніе къ тамошнему чудотворному Ея образу, предъ подножіемъ котораго и нынѣ припадаю, произнося сердцемъ и устами тропарь, для сего образа сочиненный, тропарь, удивительную силу въ себѣ заключающій, который да произнесется и умирающими моими устами. Притомъ же, усердствуя помолиться и на всякомъ мѣстѣ владычествія Господня въ обителяхъ святыхъ, на пути странствованія моего, или близъ онаго находящихся, долженъ не малое употребить на сіе время, такъ что по сему обстоятельству, при всемъ сердечномъ желаніи, едва ли удастся мнѣ достигнуть Казани. Ежели же симъ благополучіемъ благословить меня Царица небесная, то оттуда указывается мнѣ путь чрезъ Нижній Новгородъ, Кострому, Ярославль и Ростовъ къ великому угоднику Божію Дмитрію, усерднѣйше мною чтимому и подъ покровомъ коего и теперь нахожу я упокоеніе, ибо въ церкви нашей теплый придѣлъ, въ которомъ совершается теперъ служба, посвященъ во имя его, а оттуда къ великому въ

святыхъ, заступнику моему усерднѣйшему, съ душевнымъ глубокимъ благоговѣніемъ мною призываемому, Сергію чудотворцу, а отъ него же къ московскимъ нашимъ чудотворцамъ и всероссійскимъ. Исполненіе всѣхъ сихъ предположеній, къ спасенію души моей клонящихся, отъ любящихъ меня, конечно, не будетъ затрудняемо; и я, изложивъ вамъ планъ первой половины моего странничества на югъ (ибо вторая простирается къ сѣверу), до пріятнѣйшаго съ вами свиданія, прошу убѣдительнѣе вашу любовь утвердить оный вашимъ соизволеніемъ, дабы я какъ не бѣглець отъ васъ, но какъ посланный вами молиться о себѣ и о васъ, ревностиѣ могъ исполнить сіе священнѣйшее дѣло. Не будетъ сіе книга распустная, но торжественное свидѣтельство вашего къ Богу усердія, по второму вы жертвуете собственнымъ удовольствіемъ во славу Божию и для спасенія ближняго, къ второму, хотя и недостойному, ревностную любовь въ душѣ своей питаете. Притомъ же, братія возлюбленная, помнить надобно, что всѣ наши здѣшнія и самыя долготѣнія сожитія суть только минутныя свиданія, и что пещись должно всемѣрно о томъ только, чтобы тамъ свидѣться намъ предъ престоломъ Божиимъ, гдѣ уже чрезъ цѣлую вѣчность не будетъ разлученія; и такъ какъ я по совѣсти почитаю подлежащее мнѣ странствованіе и уединеніе по Божѣ вѣрною стезею, къ сему неразлучному съ вами свиданію ведущую, то уповаю, что и ваша любовь отъ сей стези нелукавой не возбранитъ ногамъ моимъ, и тѣмъ возвеселите душу мою, сѣтующую нынѣ о вашемъ на меня огорченіи и возрадуете сердце мое сокрушенное своимъ окаянствомъ. *Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому*, (Псал. XLI, 2—3), въ безмолвіе священнаго во святыхъ обителяхъ уединенія, да утолится убо сія жажда моя чашею студены воды вашего согласія и благословенія, и во истинну въ дни воздаянія не погубите вы мзды своея (Мф. X, 42).

Отецъ Фотій, по милости своей, уже приуготовилъ мнѣ грѣшнику уголь во святой своей обители, и я духомъ порываюсь вселиться въ оный на святую четыредесятницу.

Послѣднее письмо князя Сергія къ братьямъ изъ С.-Петербурга отъ 4 марта 1828 года.

Миръ вамъ отъ Господа, и отъ Пречистой Матери, и отъ всѣхъ силъ небесныхъ, и отъ всѣхъ святыхъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, ежели Господь благословитъ, отправляюсь въ путь, и потому прошу не взыскать съ меня, ежели нѣсколько сокращенно буду писать, ибо Господь вдругъ рѣшилъ отъѣздъ мой... Дѣло мое еще не кончено, и я рѣшилъ оставить все на волю Божию, убоясь, что путь земной скоро исчезнетъ. Прощайте любезные братья и друзья, помилуйте. Весь вашъ братъ и слуга С. Шихматовъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 26 марта 1828 года, изъ Юрьевского монастыря.

Христось воскресе,

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Наконецъ, какъ уже вамъ по моему послѣднему письму извѣстно, я, можно сказать, изторгся, или лучше сказать, изторженъ Промысломъ Божиимъ и Божіей Матери изъ среды шумныхъ столицы и вступилъ въ путь желаемый и, благодареніе Господу и Пречистой Его Матери, вижу по сіе время дивныя Ихъ милости, напутствующія грѣшника-странника помощію во спасеніе. Оставивъ дѣло свое нерѣшеннымъ на волю пекущагося о непотребномъ рабѣ Господа-Промыслителя, дабы не упустилъ зимняго пути, а еще паче драгоцѣннаго великопостнаго времени, разставшись со слезами съ добрыми ближними и съ дражайшими добрѣйшими кровными, пустился, по влеченію сердечному, къ Царицѣ небесной въ Тихвинъ и сподобился предстоять Ея чудотворной иконѣ и поклоняться Ей, и лобызать Ее отъ сердца умиленнаго... 2). Вечеромъ семнадцатаго марта, хотя поздно, прибылъ въ Юрьевъ монастырь, подъ защиту св. великомученика Георгія и подъ гостепріимный кровъ стараго моего, ежели смѣю сказать, друга или паче наставника отца Фотія. Только св. Великомученику угодно было, чтобы я въ обитель его не пріѣхалъ, а пришелъ пѣшъ; ибо, съ версту не доѣзжая до монастыря, извозчикъ мой свернулъ не болѣе сажени съ дороги въ сторону и увязилъ повозку въ таломъ снѣгу такъ, что никакъ лошади вытащить ее не могли, доколѣ не приспѣла помощь изъ монастыря. Почтеннѣйшій мой страннопріимецъ, спаси его Господи, не только меня упокоеваетъ, но какъ отецъ малое чадо свое лелѣетъ. Кельи мои не монашескія, а княжескія, ибо состоятъ изъ трехъ чистыхъ и теплыхъ покоевъ на углу ограды, подъ башнею, одною стороною обращенныя на Волховъ, а другою на озеро 3); въ нихъ жилъ нѣкогда на покоѣ многія лѣта одинъ святитель Божій, уже скончавшійся 4). Во всемъ имѣя совершенное довольство, имѣю паче всего ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе душевное вечеръ, утро и полудне ежедневно приметаться въ дому Бога моего (Псал. LXXXIII, ст. 11), присутствуя во храмахъ благолѣпныхъ, или паче великолѣпныхъ, при богослуженіи, совершаемомъ, во истинну, благолѣпно. Бесѣды отца архимандрита и любовное согласіе братіи, примѣръ достойный подражанія, назидаль душа грѣшника, по благодати Божіей, не вовсе еще ожесточеннаго. Уединеніе (ибо монастырь въ трехъ слишкомъ верстахъ отстоитъ отъ города) и почти безпрестанная молитва, особенно на страстной недѣлѣ (въ которую Господь всемилостивый и пса нечистаго подтранезнаго не лишилъ крупичи хлѣба животнаго), признаться, крайне для меня сладостны, и чувствую,

что для души не бесполезны. Сегодня только въ первый еще разъ собрался я въ городъ и то для причинъ болѣе духовныхъ, нежели тѣлесныхъ, и, по благословенію отца настоятеля, Господь утѣшилъ меня исполненіемъ моего желанія. Отслушавъ литургію въ монастырѣ, засталъ еще часть литургіи, совершаемой здѣшнимъ *викаріемъ* ⁵⁾ въ Софійскомъ соборѣ, потомъ отпѣлъ молебенъ Премудрости Божіей Софіи великоименитой и всѣмъ новгородскимъ чудотворцамъ, и сподобясь приложиться къ мощамъ шести угодниковъ Божіихъ ⁶⁾ нетлѣннымъ и на вскрѣтіи лежащимъ, а седьмого подъ спудомъ ⁷⁾, благословился у преосвященнаго въ его дому, помолился еще Царицѣ небесной предъ чудотворною Ея иконою, извѣстною подъ именемъ Знаменья... ⁸⁾, наконецъ возвратился съ миромъ душевнымъ въ мирную обитель, въ ней же Господь и пречистая Его Матерь и св. великомученикъ Георгій и св. святитель Теокистъ чудотворецъ (котораго мощи здѣсь почиваютъ подъ спудомъ) дали убѣжище грѣшному страннику. Обитель сія есть одна изъ самыхъ древнихъ въ Россіи, ибо болѣе осьми сотъ лѣтъ какъ построена, состоящая въ числѣ первоклассныхъ монастырей (въ которыхъ настоятели архимандриты, архіерейски священнодѣйствующіе), совсѣмъ уже приходила въ разрушеніе, какъ Господу угодно было и великомученику избрать отца Фотія настоятелемъ. При помощи Божіей, при щедромъ вспоможеніи духовной своей дочери Анны Алексѣевны Графини Орловой-Чесменской и при собственномъ своемъ неусыпномъ трудѣ и многолѣтнемъ, онъ не только обитель возобновилъ, но и возвеличилъ ее славою чудною. Ибо великолѣпіе храма соборнаго такъ поразительно и велико, что, я думаю, едвали гдѣ въ Россіи есть что подобное. Утварь и ризница драгоцѣнностію составляютъ сокровище. Внутреннее устройство братіи приходитъ къ совершенству, по составленному отцемъ Фотіемъ уставу общежитія строгаго, уже введеннаго въ обитель. Здѣсь прошу я Господа потерпѣть грѣхамъ моимъ и сподобить меня участвовать въ празднествѣ духовномъ всея обители въ день праздника великомученика святаго (23 апрѣля), а потомъ, съ

а) Св. Теокистъ былъ хиротонисанъ въ архіепископа Новгородскаго въ 1300 году изъ игуменовъ Благовѣщенскаго Новгородскаго монастыря; въ исходѣ 1308 года удалился на покой въ тотъ же монастырь, гдѣ и почилъ 23 декабря 1310 года. Послѣ упраздненія въ 1764 году Благовѣщенскаго монастыря мощи святителя Теокиста св. синодъ, по ходатайству митрополита Новгородскаго Гавріила, разрѣшилъ перенести въ Юрьевъ монастырь, въ которомъ они покоятся подъ спудомъ, въ серебряной рацѣ, по лѣвую сторону олтара церкви св. Великомученика Георгія. Архимандритъ Фотій устроилъ по близости малый придѣлъ во имя св. Теокиста. Строевъ. Списки іерарховъ. 34. 111. X. Н. Муравьевъ. Путешествіе по св. мѣстамъ русскимъ. Спб. 1888 года ч. 1 изд. 6, 343—344.

напутствованіемъ Его заступленія и съ благословеніемъ отца и молитвами братіи святой, по просушеѣ уже, пуститься въ путь къ Кіеву. Но прежде помолюсь Господу, да сподобитъ посѣтить еще здѣсь монастыря три, въ которыхъ и прежде еще я не бывалъ. Письма ваши ко мнѣ, дабы не беспокоить о. архимандрита, прошу васъ надписать на имя казначея обители іеромонаха отца Георгія, моего духовнаго отца. Простите, любезнѣйшіе друзья и братья. Буди на васъ благословеніе свыше во всемъ и всегда. Весь вашъ нижайшій слуга и усерднѣйшій братъ С. Шихматовъ.

Письмо братьевъ къ князю Сергію. С. Архангельское. Марта 28, 1828 г.

Христось воскресе!

Любезнѣйшій братъ и другъ.

Со днемъ пресвѣтлымъ, днемъ великимъ, съ праздникомъ праздниковъ тебя, любезнѣйшій братъ, усердно поздравляемъ. Да воскреснетъ въ тебѣ Богъ всесовершенно и да расточатся враги Его, враги, непрестанно, повсеминутно насъ облегающіе! Да ограждаетъ всеильный Своєю благодатію и входы и исходы твои, и бесѣды твои, и товарищества твои, и предпріятія; а паче, да ограждаетъ тотъ путь, который ведетъ ко спасенію. Молиться о семъ почитаемъ мы всегдашней нашей обязанностию, но наипаче теперь ищемъ мы себѣ пособія въ молитвѣ—теперь, когда продолжаются сія необыкновенныя наши съ тобою письменныя сношенія. Не полагали мы отнюдь съ тобою бесѣдовать сими святыми днями; ниже имѣли намѣреніе вовсе приниматься за перо. Но одно обстоятельство послѣдняго твоего письма заставило насъ премѣнить прежній нашъ обычай: обстоятельство вовсе нечаянное и для самого тебя невѣдомое. Необычайный такой случай понуждаетъ насъ необычайно прервать седмидневное суботствованіе и по истеченіи трехъ дней святыхъ седмицы поспѣшить нашимъ тебѣ отвѣтомъ, чтобы онъ могъ застать тебя въ монастырѣ св. Георгія, гдѣ ты, по прежнему своему письму, располагалъ дожидаться и провести праздникъ сей обители. Изъ послѣдняго твоего письма не видать, куда ты намѣреваешься направить дальнѣйшій путь твой: слѣдовательно, выпустивъ тебя изъ онаго, не знали бы мы потомъ, гдѣ тебя искать. Самые поиски заставили бы насъ терять много времени, хотя бы мы тебя наконецъ и отыскали. А могло и то статься, что ты, предпринявъ предполагаемые тобою изъ мѣста въ мѣсто переѣзды, разѣхался бы съ нашимъ письмомъ, которое, такимъ образомъ, могло вовсе затеряться и никогда тебя не достигнуть. Намъ же весьма желательно, чтобы ты какъ можно скорѣе извѣстился о той переменѣ, которую ты самъ, хотя безъ твоего вѣдома, произвелъ въ нашихъ съ тобою сношеніяхъ. Съ сего намекаемаго тебѣ обстоятельства твоего послѣдняго письма нач-

немъ нашу бесѣду. Подлинно, нельзя безъ слезъ, безъ плача, безъ сжатія сердца видѣть разрывъ такого соединенія, каково было наше. А какое же? Братское и дружеское, духовное и христіанское, подобное тому, какое видно было въ тѣ блаженные времена, когда соединяющихся вѣрующихъ и сердце и душа были едины (Дѣян. IV, 32.) Такъ ли? Согласенъ-ли ты въ семь?—Такъ точно, потому что мы во время соединенія точно одною вѣрою и едиными правилами христіанства были одушевлены: доказательствомъ тому служить и самое сіе намѣреніе наше такого соединенія, которое не составилось бы, если-бы не духомъ любви и вѣры были къ тому побуждаемы. Никакая корысть въ соединеніе наше не входила, какъ тебѣ очень извѣстно. Обратимся теперь къ первой твоей совѣсти, основанной на вѣрѣ твердой и прочной, и не тожко не противурѣчащей любви, съ лишеніемъ которой и самое сожженіе тѣла, не говоря о другихъ тѣлесныхъ подвигахъ, бесполезно,—но ею лишь руководимой, какъ мы то можемъ тебѣ доказать премногими примѣрами, поставляя и самихъ себя свидѣтельствами твоего подлинно христіанскаго братолюбія; ибо, не говоря далѣе, отъ тебя заимствовали мы свѣтъ, или наче тебя угодно было Господу употребить, дабы озарить нашъ духовный мракъ: отъ тебя я особенно видѣлъ и въ другомъ отношеніи великій знакъ великой къ себѣ любви. Тогда ты бы не мало удивился, если бы кто въ духовномъ чловѣкѣ изчислялъ тебѣ тѣ недостатки любви, какіе мы тебѣ въ тебѣ самомъ поименовали — удивился и пожалѣлъ, если бы это былъ посторонній; а ежели бы свой, то всѣми мѣрами старался увѣрить его, чтобы всему предпочитать дѣла любви, безъ коихъ вѣра обманчива, бесплодна. Какія же суть заключенія изъ вышеописанныхъ замѣчаній? онѣ суть слѣдующія: первое, что *ты не въ правѣ былъ положить самъ собою, безъ нашего согласія, рѣшенія не жить тебѣ въ Архангельскомъ*: ибо вспомни или прочти выше, каковъ былъ союзъ нашъ—христіанской, духовной, единой души и единого сердца требующій. А тѣмъ менѣе въ правѣ былъ предпринимать новую жнзнь, и такую, о которой тебѣ наше мнѣніе было неизвѣстно,— а тѣмъ еще менѣе отказываться отъ нашихъ (въ справедливости на весь міръ отдаваемыхъ) требованій пріѣхать къ намъ послѣ семилѣтней разлуки, пріѣхать объясниться въ подозрѣніяхъ, относящихся къ душевному твоему состоянію. Ибо, когда трое одно и сердцемъ и душою, то есть, суть лишь три части одного дѣлага, то не тожко каждая знаетъ все, но и каждая къ одному и тому же стремится концу. Когда-же каждая изъ нихъ что скрываетъ отъ другихъ, или безъ согласія другихъ въ чемъ либо поступаетъ, то симъ самымъ дѣйствіемъ она отдѣляется уже отъ дѣлага. Мы, по праву завѣта нашего, по власти старѣйшихъ тебѣ братій; занимающихъ теперь мѣсто родителей твоихъ,

не по крови токмо, но паче по любви, связующей насъ союзомъ, ничѣмъ не уступающимъ союзу нѣжнѣйшихъ родителей и дѣтей:—требуемъ твоего сюда прїѣзда, безъ всякихъ отговорекъ, представляющихъ удобства иного тракта, который потому кажется удобнѣе тебѣ, физически отъ Архангельскаго тебя отдаляющій, что нравственный твой путь совсѣмъ иное отъ нашего прїялъ направленіе. Любезнѣйшій другъ, мы теперь по совѣсти не можемъ и не должны приниматьъ никакихъ твоихъ отговорекъ, а всякій отказъ твой почитать обнаруживаніемъ той разпущенной твоей съ нами книги, которую ты имѣлъ неосторожность давно уже въ дѣлѣ твоёмъ подписать. Повторяемъ, что доколѣ мы съ тобою не увидимся и не переговоримъ объ всемъ обстоятельно, не можемъ мы дать тебѣ на приемлемый тобою образъ жизни и на устраненіе себя отъ насъ ни согласія нашего, ни благословенія. Мы теперь, имѣя въ рукахъ нашихъ документъ или явное подтвержденіе бывшаго и существующаго между нами вышеупомянутаго завѣта, смѣло обращаемся къ тебѣ съ нашими требованіями; ежели ты и теперь рѣшаешься вмѣсто себя прислать намъ отказъ, коего извиненія, какія бы онѣ ни были, въ теперешнемъ нашемъ съ тобою положеніи не дѣльны, не основательны, не оправдывающіе.—Далѣе, ты не обращаешь вниманія на то, что, пускаясь на подвигъ, по мнѣнію твоему, на величайшій подвигъ христіанскій и особенно тобою уважаемый, пускаешься, не поклонившись праху родителей и не испросивъ такимъ образомъ благословенія отъ нихъ въ твоёмъ предпріятіи, пускаешься, рѣшившись миновать оный, лишь стахъ въ двухъ верстахъ отъ пути твоего отстоящій. Можно ли сказать, что ты здѣсь любовію руководишься? Нѣтъ, нѣтъ любезнѣйшій, явной нелюбовію къ намъ, которыхъ ты желая объѣхать, объѣзжаешь и родительскій гробъ.

Новгородъ. Юрьевъ монастырь. 1828 года, апрѣля 25 дня.

Христось Воскресе!

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Радуйтесь о Господѣ, подающемъ вамъ преспѣяніе въ добродѣтеляхъ христіанскихъ и, полагая восхожденіе въ сердцѣ вашемъ, восходитъ отъ силы въ силу духовную, дабы явилася вамъ слава лица Божія въ Сіонѣ небесномъ.—Волѣ вашей покоряюсь и требованіе ваше исполнить намѣреваюсь, сокротивъ для сего предначертанное мною путешествіе и предназначивъ оному иное направленіе. Мысль о поклоненіи священнѣйшему для меня праху родительскому, признаюсь, и прежде обращалась всегда въ головѣ моей, и долгъ сыну молиться о упокоеніи душъ родительскихъ есть для меня не токмо священнѣйшій, но и прїятнѣйшій. Воздать почитающимъ въ Бозѣ родителямъ сыновнее раболѣзное поклоненіе и на гробѣ

ихъ повергнуть е душахъ ихъ молитвы усердѣйшія вмѣстѣ съ церковію, я предполагалъ на возвратномъ моемъ пути, намѣреваясь расположить оный такъ, чтобы къ 30-му сентября (ко дню кончины отца) быть въ Соловйцахъ, о каковомъ предположеніи и намѣреніи моемъ я писалъ и къ брату князю Прохору Александровичу. Но нынѣ радуюсь душевно, что, по вашему убѣжденію, удостоюсь ранѣе получить душевную отраду, изліяніемъ предъ Господомъ души моея океанной о упокоеніи въ Бозѣ преставшихся надъ самимъ прахомъ ихъ, въ которому благоговѣю и испросить ихъ благословенія на пути странствованія къ святымъ мѣстамъ и къ святѣйшему мѣсту селенія славы Божіей, бранными очами невидимой. По искренности, опять повторяю вамъ, что одно только разчисленіе времени лѣтнаго, краткаго, для пути удобнѣйшаго, было причиною предположеннаго мною прежде минованія мѣсть, воспоминаніями для меня драгоцѣннѣйшихъ, а отнюдь не удаленіе отъ васъ, по уклоненію нравственнаго моего пути отъ вашего.

Теперь ожидаю повозки для дороги и чаю въ началѣ будущаго мѣсяца, какъ и путь между тѣмъ еще попросохнетъ, отправиться изъ сей святой обители съ благословеніемъ отъ великомученика, великаго моего заступника, котораго праздникъ я удостоился, недостойный, праздновать духовно съ святыми мужами, имъ руководимыми къ царствію небесному, и надѣюсь въ началѣ предбудущаго мѣсяца (основывая все сіи предположенія на словахъ; аще Господь благоволитъ и здравъ буду) достигнуть мирнаго и благословеннаго Архангельскаго, дабы оттуда съ благословеніемъ архистратига Господня и съ напутствованіемъ мира отъ васъ итти далѣе въ путь свой къ Кіеву, радуясь. Здѣшнее-же мое пребываніе есть для меня величайшая милость Господня. Удаленіе отъ суетъ міра, миръ и тишина, господствующія въ святой обители не токмо въ стѣнахъ, но и въ братіи, молитвословія частыя ежедневно, бесѣды поучительныя отца архимандрита и его истинно дружеское, опытами доказуемое, ко мнѣ недостойному расположеніе и нечувствленную мою душу приводятъ иногда въ умиленіе и *желаніе провести дни мои въ такомъ богомысленномъ уединеніи*, не отрицаюсь впрочемъ, при помощи свыше, къ понесенію тяготы, какая всеблагимъ промысломъ на немощь мою возложится, для заглаженія многихъ моихъ отъ юности и доселѣ согрѣшеній, глубже и глубже вкореняется въ мое сердце, и гласъ милосердія Божія вошеть ко мнѣ океанному, да къ Нему прибѣгну, оставивъ міръ я все, яже въ мірѣ (1 Иоанн. II, 15). Только теперь желаю, вседушно помолившись Господу и Пречистой Его Матери и святымъ прославленнымъ въ отечественной нашей церкви угодникамъ, повидѣть знатнѣйшія общежительныя обители, гдѣ святые отшельники проводятъ жизнь богомысленную въ отверженіи міра и своей воли, въ нищетѣ, постѣ и молитвѣ, дабы

хотя издали, по благодати Господней, дерзнуть имъ въ слѣдъ, научаясь ихъ примѣрамъ и ободряясь въ малодушныхъ своихъ помыслахъ. Прощайте, любезнѣйшіе братья и друзья, Господь да укрѣпляетъ васъ вѣще и вѣще въ теченіи вашемъ богоугодномъ. Надѣюсь до радостнаго свиданія, ежели Господь благоволитъ, писать къ вамъ изъ Москвы. Передаю себя вашимъ святымъ молитвамъ и съ искренностію братскаго усердія остаюсь весь вашъ братъ и слуга С. Шихматовъ.

С. Архангельское. Августа 25, 1828 года.

Любезный другъ!

Предметъ, о которомъ мы съ тобою сперва переписывались, потомъ личное имѣли *разглагольствіе, по отбытіи твоемъ*, непрестанно приходитъ намъ на мысль, и тѣмъ большее обращаетъ на себя теперь вниманіе наше, чѣмъ разсудокъ болѣе приобрѣлъ причинъ къ настойчивости, къ *сопротивленію тебѣ въ твоемъ предпріятіи—вступленію твоему въ Юрьевъ монастырь*. Если съ одной стороны, мы, для сохраненія взаимной любви братской и мира, всегдашняго спутника любви, находимся принужденными уступить твоему сильному желанію принятія *на себя монашества*, и дать на то наше согласіе: то съ другой, обозрѣвъ теперь хорошенько всѣ обстоятельства, склоняющія тебя избрать *именно Юрьевъ Новгородскій монастырь*, находимъ въ *себѣ сильное сопротивленіе* противъ сего твоего избранія такъ, что почитаемъ нужнымъ отклонять тебя отъ того всѣми силами. Сіе заставило насъ опять взяться за перо и сообщить тебѣ на бумагѣ все, что по дѣлу сему находится въ нашемъ сердцѣ.—Но прежде, нежели вступимъ въ дальнѣйшее бесѣдованіе, надобно предварительно сказать слова два о предпринимаемомъ нами испытаніи *сообщеннаго тебѣ якобы откровенія свыше*, бывшаго на счетъ тебя *одному изъ братьевъ сего монастыря*, а именно, что мы, приступая теперь разсматривать истину онаго, не имѣемъ причины опасаться чрезъ то подпасть осужденію тѣхъ, которые не пріемлютъ какого либо явнаго и свѣтомъ принятаго воли Божіей извѣщенія. Ибо оно отнюдь не таково, а, напротивъ, находится въ самомъ томъ видѣ, въ которомъ изслѣдованіе необходимо, для принятія или непринятія онаго. И такъ приступимъ благословясь, и призывавъ въ помощь немощныя укрѣпляющаго Всесвятаго Духа Божія, *приступимъ къ разсмотрѣнію съ седмию печатями, съ семью англійскими стражами доставленнаго тебѣ письма*. Сперва разсудимъ, какъ бы поступилъ ты самъ и всякій въ Бозѣ живущій мужъ, получивъ откровеніе для другого, и какъ поступлено *по семъ выдаваемомъ откровеніи*. Разсмотримъ мѣры, какія свойственны послѣ *истиннаго откровенія*, дабы сличивъ оныя съ мѣрами послѣ выдаваемаго, можно было судить,

подлинное ли оно, или нѣтъ. Получивъ несомнительное откровеніе воли Божіей, для сообщенія иному, для сообщенія твоему другу, твоему искреннему, ты не почелъ бы нужнымъ, ты не дерзнулъ бы искать утвержденія оному *въ какихъ либо таинственныхъ внѣшностяхъ*: прямо бы открылъ оное ему изустно, или, если, по какимъ либо обстоятельствамъ, нужно было оное написать, то не иное что имѣлъ бы въ виду, какъ токмо то, какъ бы точнѣе изложить твое порученіе свыше, будучи совершенно увѣренъ, что начавшій сіе дѣло, самъ и совершить. Тебѣ бы и на умъ не пришло искать пособія отъ *нѣкоторыхъ таинственныхъ внѣшностей*. Обратимся къ настоящему случаю. Тебѣ сообщено откровеніе воли Божіей, сообщено такъ, что, по самому твоему замѣчанію, обнаруживается здѣсь ложь тѣмъ, что писавшій письмо ложно отрекается отъ онаго. Для чего? Для того, повидимому, чтобы и самый способъ доставленія тебѣ онаго сдѣлать *чуднымъ, необычнымъ*. Далѣе, видимъ сіе письмо занечатаннымъ семью печатами, — *печатами съ англійской надписью*. Спрашиваемъ: по откровенію ли же, по повелѣнію ли свыше писатель письма употребилъ сіе подражаніе видѣнію возлюбленнаго ученика Христова, Духомъ Святымъ намъ сообщенному, или самъ о себѣ? Ежели самъ о себѣ, то не дерзновенно ли паче мѣры такое самовольное таинственной внѣшности занятіе, такое копированіе оной для облеченія дѣла сего, хотя бы оно дѣйствительно было отъ Бога. Не будетъ ли это, и въ такомъ случаѣ, одинакое преступленіе съ тѣмъ, за которое величайшій угодникъ Божій и боговидецъ Моисей навазанъ былъ преждевременной смертію? Не подобится ли это даже преступленію Озы, преступленію дерзнувшихъ употребить свой огонь для кажденія хотя священнымъ оміаіомъ и освященнаго мѣста? Полагать же внушеніемъ Божіимъ сіе таинственное облеченіе письма воспрещаетъ то, что печати сіи *съ иноземной надписью*; то есть, не греческой, единовѣрческаго намъ народа, а англійской, народа, почитаемаго нами еретическимъ. Ибо возможно ли полагать, чтобы такой ревнитель ко православію, каковъ, по словамъ твоимъ, о. Фотій обращенъ былъ, въ семь дѣлѣ, къ такимъ словамъ печати, которыя вырѣзаны были для протестантовъ, монашество, о которомъ идетъ все дѣло, отмещущихъ? Такимъ образомъ, сія заятая таинственность, не придавая ничего къ важности дѣла, ежели оно и отъ Бога, но давая оному еще видъ дѣла отъ челоуѣковъ, весьма уже умножаетъ вину *изобрѣтателя*, когда оно дѣйствительно есть. Не иное что какъ *челоуѣчскій вымыселъ*. — А что все дѣло сіе носить на себѣ видъ изобрѣтеннаго отъ челоуѣковъ, то явствуетъ изъ слѣдующаго. Самое уже употребленіе въ такомъ дѣлѣ, которое выдаютъ за дѣло Божіе, не можетъ не остановить всякаго безпристрастно испытующаго, истинно набожнаго христіанина: оно, съ перваго взгляда, умень-

щастъ довѣренность къ оному и ващю возбуждаетъ осмотрительность. Ибо, не говоря о учителяхъ церкви нашей, которыхъ большая часть ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ употребленія лжи, которая есть отъ діавола (1 Иоан. III, 8), мы находимъ оную строго запрещенной въ катихизическомъ ученіи нашемъ, то есть, въ такой книгѣ, которая вручается церковію всякому вѣрующему, всякому воину Христову, подобно тому, какъ вручается всякому вступающему въ службу земного царя его инструкція, и по которой лишь одной мы можемъ содѣлывать наше спасеніе. Отъ діавола ли заимствовать средства къ оправданію путей Божіихъ? Но далѣе, откуда взялась у о. Фотія, который, по весьма вѣроятнымъ твоимъ замѣчаніямъ, есть писатель письма, печать съ англійской надписью? Какъ она могла къ нему попасть? Купить ему оную, не предположительно; да и продаютъ ли гдѣ въ лавкахъ такія печати кромѣ англійской лавки? а въ ней онъ, вѣроятно, никогда не бывалъ и ничего не покупывалъ, тѣмъ менѣе эмблематической англійской печати. Подарить ему оную, никому и въ голову не придетъ: да и самъ бы онъ ее не взялъ, если бъ кто и дарилъ. Имѣть ее отъ кого изъ монашествующихъ также невозможно; ибо по той же причинѣ не могла она обрѣстись ни у кого изъ нихъ, по какой и у него самого. *Итакъ, явствуетъ, что печать сія занята отъ кого либо изъ свѣтскихъ, и притомъ такихъ, у которыхъ, по многимъ стесненнымъ разнымъ обстоятельствамъ, можно предположить имѣніе сей печати, и такихъ еще, съ которыми бы отецъ Фотій былъ фамиллярно знакомъ; ибо всякій иной могъ бы нѣсколько соблазниться требованіемъ отъ него печати сей. Скажемъ больше, надобно даже предполагать, что лице сіе само предложило отцу печать свою къ его услугамъ. Ибо, не вѣроятно, чтобы онъ самъ собою вздумалъ приложить къ письму своему протестантскую иностранную печать—и къ какому еще письму!.. Онъ не понималъ бы вырѣзанныхъ на печати словъ, если бы кто не объяснилъ ему оныхъ. Необходимо предполагать въ дѣлѣ семъ и предложившее и объяснившее сію печать съ надписью, хорошо знакомое отцу, лицу, а притомъ знакомое и тебѣ, и вѣдущее, что ты знаешь англійскій языкъ.—Такое точно лицо и отрывается въ дѣлѣ семъ, по снятіи съ него таинственнаго покровца. Мы, вѣроятно, не успѣли намекнуть, какъ ты уже и узналъ оное. Вотъ, любезнѣйшій, сколько сказывается человѣческаго въ семъ дѣлѣ, выдаваемомъ за истое дѣло Божіе: сказывается преднамѣренность, сказывается участіе свѣтскаго лица, изъ *подъ руки* тутъ же дѣйствующаго, съ которымъ, вѣроятно, начертанъ и планъ операціи, и по вліянію котораго пресвященный а), совѣтовавшій тебѣ лично избрать монастырь въ полуденной*

а) Вѣроятно же всего, новгородскій викарій, пресвященный Игнатій.

Россіи, вдругъ повлекъ тебя къ полунощной... Ты, вѣроятно, не смѣла и подумать, чтобы отецъ Фотій рѣшился на такую мѣру: и намъ не хотѣлось бы такъ полагать. Но дѣла говорятъ и говорятъ такъ ясно, что ежели не совершенное объясненіе, то, по крайней мѣрѣ, сильное подозрѣніе не можетъ не имѣть мѣста. Допускающіе позволительность даже неограниченно, для пользы ближняго, неволью допускаютъ всякую степень оной. О іезуитахъ пишетъ преосвященный Платонъ въ Исторіи Россійской церкви, что нѣтъ такого зла, на которое они, по правиламъ своего ордена, не должны отваживаться для пользы церкви. А іезуиты почитались и почитаются людьми особенно набожными и стражами латинской церкви. Сколько и наша исторія представляетъ примѣровъ фанатизма! Употребленная таинственность въ дѣлѣ семъ (въ дѣлѣ, которое не требуетъ никакого особеннаго чуда въ совершеніи онаго; ибо вступленіе въ монашество и самыхъ благонамѣреннѣйшихъ было и бываетъ по общему порядку) даетъ ему совсѣмъ иной видъ. *Ступай ты / путемъ общимъ, никто бы тогда не могъ открыть, какія были употреблены пружины, какая дѣйствовала политика, для избранія тобою, предпочтительно, сей обители.* Таинственность, употребленная, повидимому, для приданія важности дѣлу сему, вовсе лишаетъ оное всякаго вѣса. Таинственность обратила особенное вниманіе наше; и опасавшихся уже много на твой счетъ, по подозрѣніямъ весьма правдоподобнымъ, заставила насъ пристально разсмотрѣть то обстоятельство, которому она служила дерзновеннымъ покровомъ. При первомъ твоёмъ обнаруженіи намъ таинственнаго письма, не могли мы не сомнѣваться въ содержаніи онаго, не токмо по смѣлому копированію такихъ вещей, предъ коими надлежитъ благоговѣть ничтожеству нашему, но и по тѣмъ, многимъ причинамъ, въ письмахъ нашихъ тебѣ упомянутымъ, которыя, отнюдь не показывали намъ намѣренія твоего, какъ ты себя представляешь, званіемъ Божиимъ. Видя твою упорность въ оставленіи насъ и торжественное объявленіе намъ, что ты не хочешь и не можешь *пособлять намъ въ занятіяхъ нашихъ по учебному нашему заведенію*, мы, для сохраненія мира и любви, разсудили за благо не противиться долге твоей склонности къ монашеству. Что же принадлежитъ до твоихъ мнѣній о вѣрѣ и церкви, съ нѣкотораго времени въ тебѣ превозмогающихъ, несообразныхъ съ катихизическимъ ученіемъ, мы не могли ни читать ихъ въ твоихъ письмахъ, ни изустно слышать отъ тебя безъ сердечнаго сокрушенія. Приемля теперь въ разсужденіе, что мнѣнія сіи поселились въ тебѣ съ самаго твоего сближенія съ держащимися онаго мірянами и монашествующими, которые и рѣшили тебя, наконецъ, воспріять твердое намѣреніе вступить въ монастырь и именно Юрьевъ монастырь, *мы не можемъ не предполагать, что сіи противныя церкви*

жизни въ немъ имють свое убъжище, и по онымъ то монастырь сей привлекъ на себя отличительное твое предъ прочими одобреніе и избраніе. Ежели къ неправости сихъ мнѣній—мнѣній катихизическихъ, а потому великой важности—присоединить подозрѣніе наше о выдаваемомъ откровеніи, присоединить и то, что съ самаго сближенія твоего съ сей партіей, примѣтно, чувствительно перемѣнился не только образъ твоихъ мыслей, но и самая дѣятельность христіанская охладѣла до такой степени, что мы принужденными нашлись указывать тебѣ холодность сію многими важными, по любви къ ближнему, упущеніями, то невольнымъ образомъ рождается сильное желаніе, *чтобы ты не отступалъ въ Юрьевъ монастырь*, и мы теперь почитаемъ за необходимую обязанность истиннаго братства противиться тому всѣми силами. По мнѣнію нашему, ты поставленъ на широкій путь противленія церкви, которое, какъ ни прикрываютъ совѣтники твои ревностію по православію, не можетъ не обнаруживаться въ словахъ и дѣлахъ. Ревность по православію есть самый тотъ покровъ, которымъ прикрываютъ свои бредни всѣ старообрядцы и даже тѣ раскольники, которые, стараясь соорудить церковь свою на образецъ *старинной церкви*, до того изуродовали ее, что не имѣють и тѣни христіанства, и терпятъ у себя, даже уважають, скверности и пороки наигнуснѣйшіе. Вотъ какъ опасно прилагаться къ *стариннымъ толкамъ и партіямъ*.

Нѣтъ, другъ любезнѣйшій, скорѣе мы согласимся видѣть тебя на концѣ свѣта отъ насъ, нежели въ Юрьевомъ монастырѣ. Причины наши тебѣ описаны подробно, и онѣ такъ важны, что разумъ и вѣра понуждаютъ тебя дѣйствовать по внушенію оныхъ. Обдуманность наша въ дѣлѣ семъ тебѣ очень явственна. Дѣйствительно, можно сказать, что мы зрѣло о семъ размышляли, со всѣхъ сторонъ обзрѣвая твое предпріятіе; а ты никакъ не можешь сказать того намъ, чѣмъ мы упрекаемъ тебя, а именно, что мы поступаемъ опрометчиво.—Повторяемъ еще нашу просьбу, не откажи строкамъ симъ часоваго твоего вниманія, и виявъ умою, передай на судъ совѣсти—совѣсти же *не плънной*, не *порабощенной*, не опутанной, но свободной, какъ она была прежде у тебя и какъ долженствуетъ быть въ человѣкѣ сему гласу Божию.—Ежели склонность твоя къ монашеству такъ сильна, что ты не воленъ и на нѣкоторое время себѣ въ томъ отказывать, то, *кромѣ Юрьева монастыря, не держимъ мы тебя ни въ какой*. Гряди съ благословеніемъ нашимъ и всѣхъ родныхъ въ особую обитель, нашей ли губерніи, или иную. Избери такъ, какъ ты предполагалъ, прежде нежели побывалъ въ Новѣ-городѣ, избери монастырь не богатствомъ, а бѣдностью знаменитый: да подвиги твои вѣдомы будутъ Богу Единому и раздаются не долу на земли, а горѣ на небеси. Согласись, любезнѣйшій другъ, что убогая едва отъ земли види-

мая пустынька болѣе удобна вмѣщать *нищихъ душою*, нежели обители, богатствомъ, великолѣпиемъ, покровительствомъ властей и проч. и проч. отличающіяся. Сокрытыя батареи дѣйствительнѣе открытыхъ и такъ выставленныхъ, что представляютъ мѣткую цѣль неприятелю. Въ семъ случаѣ мы надѣемся, съ помощію Божіею, возстановитъ прежній между нами миръ и доброе согласіе, которое теперь прерываетъ твое прилежаніе къ старообрядческимъ мнѣніямъ, надѣемся видѣть тебя совершенно приемлющимъ все ученіе того катихизиса, которому ты, будучи оглашенъ отъ дѣтства, до позднихъ лѣтъ слѣдовалъ неотступно, держащимъ всѣ тѣ догматы, которые держитъ святая наша церковь, и называющимъ церковію все собраніе христіанъ, съ духовными ихъ пастырями и святѣйшимъ Синодомъ, а не горсть тайно подрывающихъ ея благословенныя основанія: видѣть тебя одобряющимъ всѣ книги, ею одобряемыя, и вѣрнымъ сынамъ своимъ для душевной пользы предлагаемыя, и отмечающимъ тѣ, на которыя она налагаетъ свое запрещеніе. Еще ты не вступилъ въ Юрьевъ монастырь,—еще ты воленъ располагать собою,—еще можетъ совѣсть твоя внимать нашимъ просьбамъ. Отрѣшись, отторгнись, оторвись. Наше упорное несогласіе на вступленіе твое въ сей монастырь, наше даже заклинаніе тебя всѣмъ, что только есть важнѣйшаго въ нашемъ съ тобою союзѣ, достаточно перевѣситъ то обнадеживаніе, которое ты далъ о твоёмъ туда вступленіи, и тебя, какъ по совѣсти, такъ и по міру, можетъ вывести изъ затрудненія.—Если же ты, презрѣвъ сіи наши, истинныя усердіемъ внушаемыя, представленія, и, не смотря на то, рѣшишься удовлетворить твоей страсти, ступай, любезнѣйшій другъ. Но знай, что ты идешь отъ насъ, нетожемо не оправдавшись во всѣхъ нашихъ обвиненіяхъ, но и утвердивши насъ въ мнѣніи, что всѣ твои небратолюбивые поступки суть плоды того неправого догматовъ нашихъ исповѣданія, которое прежде мы въ тебѣ подозрѣвали, а теперь явно извѣдали.

Ирииска братьевъ къ предыдущему нисъму, отъ сентября 10 дня
1828 года.

Хотя много уже тебѣ сказано выше причинъ, понуждающихъ тебя *перемѣнить твое направленіе отъ Юрьева монастыря* (ежели домъ нашъ тебя держать никакъ не можетъ) къ иному, обещающему тебѣ истинное спокойствіе въ лонѣ церкви, причинъ сильныхъ, которыя, будучи присоединены къ твоему великодушію, многіе годы всѣ твои поступки осіявавшему, и теперь, ожидаемымъ отъ тебя подвигомъ, новый блескъ побѣды благочестію твоему уготовляющему, подають намъ надежду, что не совсѣмъ развязанный узелъ нашего тѣснѣйшаго союза опять крѣпко на крѣпко затянется, неразрывно завяжется, —однакоже не можемъ

же дать мѣста, самимъ собою присоединяющимся къ вышеписаннымъ, слѣдующимъ двумъ новымъ обстоятельствамъ. 1-е. Секретарь смоленской консисторіи г. *Даламановъ*, пользующійся въ Смоленскѣ добрымъ мнѣніемъ и уваженіемъ людей благомыслящихъ, въ числѣ которыхъ суть и обѣнныя сестры; и отъ духовенства заслужившій почтеніе за свое праводушіе и безкорыстіе, узнавъ, что ты (онъ знаетъ тебя по Петербургу, гдѣ онъ, служа въ Синодѣ, жительствовавъ, и откуда недавно присланъ въ Смоленскъ) располагаешь вступить въ Юрьевъ монастырь, сказалъ брату Василю Александровичу ⁹⁾, пришедшему въ консисторію (въ бытность его въ Смоленскѣ для свиданія съ тобою) за свидѣтельствомъ нашему Евгению, что онъ, имѣя основательныя причины, совѣтуетъ ему стараться, какъ можно, удерживать тебя отъ сего твоего предпріятія: и если есть твое непрѣмное желаніе постричься, то склонять тебя къ избранію другого монастыря, а не *Юрьева, подѣ управленіемъ о. Фотія состоящаго*. Краткое сіе дружеское остроеженіе запечатлѣлъ онъ тѣмъ, что какъ христіанинъ почитаетъ онъ нужнымъ сообщить ему оное. Братъ Василій Александровичъ, имѣя надобность быть въ Боровскѣ на ярмаркѣ, 8-го числа сего мѣсяца, и желая повидаться съ нами на единѣ, чтобы поговорить о бывшемъ ему вышеписанномъ извѣщеніи, пріѣзжалъ къ намъ ранѣе ожидаемаго времени и пробылъ у насъ трое сутокъ, въ продолженіи которыхъ, какъ ты то себѣ легко представить можешь, много и много было говорено о тебѣ. Мнѣнія его узнаешь ты отъ него лично.—Второе обстоятельство есть слѣдующее. На другой же день по пріѣздѣ брата, пріѣзжалъ къ намъ знакомый нашъ архимандритъ сосѣдняго монастыря ¹⁰⁾, бывшій не очень давно въ Петербургѣ и знакомый со всѣми пребывающими тамъ важными духовными лицами и съ синодалами. Онъ брату и намъ говорилъ много такого на счетъ Юрьева монастыря и настоятеля онаго, которое вышеписаннымъ причинами нашимъ придаетъ много вѣсу.

Изложенныя тебѣ причины нашего сопротивленія противъ твоего вступленія въ Юрьевъ монастырь, (какъ въ сей тетради, такъ и въ прежнихъ письмахъ и разсужденіяхъ тебѣ читанныхъ и на словахъ представленныхъ) такъ вѣски, что не требуютъ усиленія отъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, а потому мы ихъ и не искали. Добавленныя же здѣсь, какъ ты видишь, сами собою пришли къ намъ и, такъ сказать, сами собою прицѣпились къ нашимъ разсужденіямъ, предстать тебѣ уже готовымъ бывшимъ. Не лишн и сихъ твоего безпристрастнаго обзоренія.—Побѣда твоя надъ міромъ очень ощутительна. Но есть еще одно лицо, требующее дальнѣйшаго твоего усилія: лицо сіе есть самъ ты. Побѣди самого себя!

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 20 января 1829 года.

Любезный братъ.

Намъ часто приходитъ на мысль твое намѣреніе постриженія въ монашество. Сперва надобно быть истиннымъ сыномъ церкви, послушнѣйшимъ и покорнѣйшимъ, любящимъ ее и любимымъ отъ нея, чтобы потомъ получить въ ней избранное мѣсто. Когда бы мы совершенно единоклужествовали насчетъ ученія церкви и видѣли въ тебѣ всѣ тѣ дѣйствія, которыя почитаемъ необходимыми послѣдствіями истиннаго отреченія вышеписанной разности, то мало бы имѣли причинъ удерживать тебя отъ монашества. Однако же посовѣтовали бы тебѣ не послѣшно къ тому приступить и хорошенько разсмотрѣть званіе Божіе, посовѣтовавшись искренно со всѣми тѣми, съ совѣта которыхъ по вѣрѣ и по любви надлежитъ тебѣ предпринимать такое дѣло. Что же принадлежитъ до монастыря, въ который бы тебѣ удалиться, то отнюдь не посовѣтовали бы тебѣ, какъ и прежде уже у насъ о томъ была рѣчь, *богатствомъ, а паче бѣдностію знаменитый избрать монастырь*, и нища отъ Бога особеннаго откровенія на избраніе онаго. Ибо не излишне-ли то будетъ, не дерзновенно ли, не искушеніемъ ли Бога будетъ просить откровенія въ томъ, что мы должны сами искать и въ чемъ мы имѣемъ довольно разсудка, чтобы различить доброе отъ злаго. О сообщенномъ намъ тобою *откровеніи* мы точно тѣхъ же мыслей, какихъ и были. А потому, по нашему мнѣнію, *вотъ друая сильная причина не оставаться тебѣ въ Юрьевомъ монастырь*, если бы Господь и помогъ намъ пріобрѣсть оная совершенное твое единоклужіе. Кромѣ сихъ тебѣ извѣстны и другія причины, по которымъ какъ мы, такъ и прочіе здѣшніе члены нашего семейства, не совѣтуемъ, не благословляемъ тебя избрать сей монастырь. Но о семъ не время еще теперь распространяться. Если ты внемлешь гласу нашему въ первомъ важнѣйшемъ обстоятельстве, то въ семъ послѣднемъ, ты, безъ сомнѣнія, ничего не сдѣлаешь безъ нашего совѣта; когда же не послушаешь перваго представленія, то и въ послѣднемъ поступишь также самоправно, но да не будетъ сего, да не будетъ.

Говоря о семъ послѣднемъ обстоятельстве, мы не можемъ не замѣтить тебѣ нашего удивленія о распространяемомъ въ Петербургѣ чрезъ уста преосвященнаго Серафима ¹¹⁾ слухѣ о намѣреніи брата Павла Александровича вступить въ Юрьевъ монастырь, слухѣ ложномъ и выдуманномъ, а для какой цѣли, сіе предоставляемъ судить каждому про себя. Нельзя однакоже не пожалѣть, что ложь и предъ лице первенствующаго святаго нашей церкви предстать не устыдилась.

Въ разговорахъ и сужденіяхъ нашихъ съ тобою слышали мы отъ тебя, что ты тогдашнимъ своимъ духовнымъ состояніемъ, которое ты почиталъ не только не погрѣшительнымъ, но и православнѣйшимъ, обязанъ нѣкоторымъ лицамъ, съ которыми ты имѣлъ продолжительныя вѣрѣ конференціи, и отъ которыхъ выходилъ всегда внѣ себя отъ восхищенія. — Само собою разумѣется, что въ сихъ разсужденіяхъ невозможно было не касаться общихъ о вѣрѣ положеній, нами и тобою различно приемлемыхъ, ибо они, содержа въ себѣ существенную часть вѣры, а именно ученіе церкви, не могли не быть прикосновенными, о чемъ бы ни зашла рѣчь изъ принадлежности вѣры. А потому, если бы ты въ нихъ или они въ тебѣ замѣтили, не говорю столь существенную разность, но хотя и гораздо меньшую, то не только бесѣда ваша не могла быть назидательна другъ для друга, но была бы лишь спорной и столько духовности въ себѣ заключающей, сколько бываетъ оной въ состязаніи о предметахъ всякаго рода, или вовсе не духовныхъ. А изъ сего явствуетъ какъ то, что вышеписанные, восхищавшіе, умудравшіе тебя собесѣдники твои и тѣ были съ тобою совершенно единомысленны, такъ и то, что ежели и не отъ нихъ первоначально ты сталъ неправо мудрствовать, то, безъ сомнѣнія, они утверждали тебя въ томъ мудрствованіи, отъ котораго ты здѣсь отрекся.

Письмо князя Сергія къ братьямъ изъ Юрьева монастыря, отъ 5 февраля 1829 года, по возвращеніи изъ путешествія по св. мѣстамъ.

По пріѣздѣ моемъ передъ праздниками сюда, я на другой день праздника успѣшилъ увѣдомить васъ о совершеніи моего странствованія благополучнымъ прибытіемъ въ богохранимую св. великомученика и побѣдоносца обитель; но по сіе время еще не имѣю отъ васъ отвѣта и безпокоюсь относительно вашего здоровья, уповая впрочемъ, что Господь во всякомъ случаѣ не оставитъ васъ своею помощію, о чемъ и обязанымъ себя почитаю возсылать къ Нему недостойныя мои молитвы. Я же скажу вамъ о себѣ, что съ пріѣзда моего по сей часъ, благодареніе Господу, не имѣю никакой болѣзни, хотя и нѣтъ крѣпости, желаемой въ брѣнномъ моемъ составѣ. Въ концѣ прошлаго мѣсяца, получивъ настоящій указъ о увольненіи моемъ отъ службы, я не замедлил пустить его въ дѣло и, помолившись усердно (поколикую усердіе совѣстно съ моимъ окаянствомъ), наконецъ, 2-го сего мѣсяца, въ день Срѣтенія Господня, подписалъ рѣшительную для себя бумагу, въ которой срѣтаются извѣстіе мое отъ міра со вступленіемъ въ монастырь, а именно прошеніе къ пресвященнѣйшему Серафиму, съ приложеніемъ частнаго письма о томъ, чтобы опредѣленъ я былъ въ число братства съ надеждою поступленія, которое чѣмъ скорѣе можетъ совершиться, тѣмъ для меня

будеть радостиѣ, и того-же числа бумаги сіи съ нужными еще докумен-
тами отправлены ко владыкѣ. Теперь ожидаю рѣшенія отъ него, для
совлеченія мірскихъ одеждъ и облеченія въ черныя монастырскія, и е!
дабы совлекся вкуцѣ и ветхаго человѣка, и облекся въ новаго! О семъ
прошу и васъ усерднѣйше помолиться ко Господу и къ Пречистой Его
Матери.

Вступая въ званіе произвольно нищихъ Господа ради, долгомъ не-
минуемымъ себѣ поставляю и священнымъ и радостнымъ, тѣмъ, что
остается у меня отъ богатаго дара царской ко мнѣ щедроты послужить
нуждающимся моимъ ближнимъ и преимущественно тѣмъ, которые паче
иныхъ имѣютъ ближайшее ко мнѣ отношеніе по разнымъ обстоятель-
ствамъ. И потому, прилагая при семъ четыреста рублей, прошу васъ усерд-
нѣйше взять на себя трудъ раздѣлить оныя (утаивая мое имя) по слѣ-
дующему назначенію.... Приступивъ къ рѣшительному исполненію дав-
няго своего намѣренія, хотя и чувствую, что не довлѣетъ силъ моихъ
къ понесенію воспріемаема мною бремени, возлагаю всю свою надежду
на Господа и Пречистую Его Матерь, ибо повинуюсь Ихъ волѣ, и по-
слѣдую Ихъ званію, и чувствую необходимую нужду въ очищеніи скверны
сердца моего его провозженіемъ по тѣсной и безтернистой стезѣ иноче-
скаго житія. Отецъ настоятель и братія дышутъ ко мнѣ искреннѣйшею
любовію; въ обители царствуютъ миръ и благочиніе. Моленія соверша-
ются по чину церкви и по особенному при введеніи общежитія данному
уставу ¹²). Кельи у меня въ монастырѣ и въ скиту ¹³) весьма покойны
и чистыя. Остается только, чтобы я самъ, оставивъ лукавый обычай
грѣховный, очистилъ свое сердце и упокоилъ душу, по реченному: *обра-
тися душе моя въ покой твой, яко Господь благодѣйствовати* (Псал.
CXIV, 6). О семъ подобаетъ молиться и трудатися и не унывати въ
скорбѣхъ, имущихъ встрѣтиться на пути спасенія, ибо онѣ для спасае-
мыхъ неизбѣжны и необходимы. Прощайте, любезнѣйшіе братья и друзья.
Не забывайте грѣшнаго брата во святыхъ вашихъ молитвахъ. Господь
да пробавитъ вамъ великую свою и богатую милость и въ смертной и
въ вѣчной жизни. Съ искреннимъ чувствованіемъ братскаго усердія и
дружества и любви остаюсь братъ вашъ и слуга С. Шихматовъ.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 22 февраля 1829 года.

Письмо твое съ деньгами мы получили вчерашняго числа. Какъ ве-
лико было наше удивленіе, при чтеніи твоего увѣдомленія о подписаніи
тобою письма и прошенія къ митрополиту, то, по прочтеніи теперь по-
сланнаго тебѣ отъ насъ свитка, ты легко себѣ представить можешь. По-
раженный симъ новымъ ударомъ бранный нашъ составъ потрясенъ былъ
до основанія. Господу угодно было сопречь насъ съ тобою такимъ тѣс-

намъ союзомъ, что и самое малѣйшее твое движеніе отъ насъ такъ чувствительно. Вотъ уже больше года ты порываешься по такому направленію, отъ котораго мы по сіе время держали тебя напряженіемъ всѣхъ нашихъ силъ, и, повидимому, удержали было на нашемъ пути. Но кратковремененъ былъ сей нашъ отдыхъ. Въ продолженіи всего прошедшаго года ударъ за ударомъ слѣдовали намъ отъ тебя, и одинъ сильнѣе другого. Начались они усмотрѣніемъ нами въ тебѣ не братской вовсе (да не речешь не христіанской) холодности, за симъ отдаленіе твое отъ насъ и отчужденіе, за симъ обнаруживаніе подозрѣнія твоего на святую церковь и мнѣній противу церковныхъ, за симъ упорное стояніе твое въ сихъ мнѣніяхъ, за симъ явное испроверженіе признанной было тобою неправости твоей и принятаго съ нами единомыслія, и есть теперешній еще толчекъ, искореняющій послѣднюю отраду, послѣдней лишашей насъ надежды.

Ты видишь ясно, какъ сильно, какъ настоятельно не желаемъ мы твоего вступленія въ Юрьевъ монастырь, и то знаешь, почему мы всѣми силами противъ сего упираемся. По нашему суду, ты ни подъ какимъ видомъ не можешь отказать намъ въ семъ настоятельномъ нашемъ требованіи. Ибо положи на вѣсы съ одной стороны наше о тебѣ радѣніе, наше безпокойство, наше много много стоящее намъ показаніе тебѣ твоей неправости въ важнѣйшемъ отношеніи для человѣка, сіи наши, смѣемъ сказать, предъ тобою не малыя заслуги, нашу болѣзнь сердечную, нашу неописанную скорбь... а съ другой— *лишь перемѣну твою Юрьева монастыря на какой тебѣ угодно другой*: для сей ли ничтожной причины пожертвуешь ты столько вѣскими обстоятельствами? Для сей ли одной причины, которая по большей мѣрѣ доставляетъ лишь спокойное тебѣ жилище, достойно и праведно есть пренебречь всѣми заслугами нашей къ тебѣ любви? Для сей ли одной причины ты истинный братъ и другъ въ продолженіе всѣхъ многихъ нашихъ лѣтъ, подъ старость рѣшаешься дать намъ некончаемую причину слезныхъ сѣтованій? За любовь ли нашу ты намъ платишь оскорбленіемъ наибольшимъ? И сіе тогда, когда успокоить насъ совершенно стоитъ тебѣ перемѣнить лишь... мѣстное пребываніе. Мы уже больше ничего не требуемъ... *Не можемъ мы никогда примириться съ твоимъ вступленіемъ въ Юрьевъ монастырь, а потому никогда не успокоимся.* Съ печалію ли ты желаешь насъ видѣть нисходящихъ въ могилу? О! другъ любезнѣйшій, подумай, подумай, въ чемъ ты намъ отказываешь.

...Мы не должны и не можемъ отстать отъ тебя съ возобновленными нашими воззваніями. Доколѣ живемъ не престанемъ тебѣ по обязанности нашей напоминать тоже и тоже. Если бы ты рѣшился и вовсе запретить къ себѣ входъ любви нашей въ письмахъ нашихъ: то невозможно,

чтобы совѣсть твоя оставила тебя въ покоѣ, мы будемъ казаться, будемъ сниться тебѣ съ свитками въ рукахъ, будемъ слышаться тоже и тоже повторяющими, когда вѣра одна безъ любви могла горы переставлять съ мѣста на мѣсто: то дивно ли, что съ любовію соединенная она пятьсотъ верстъ можетъ переносить тебѣ гласы наши. Безмолвная твоя келія для другихъ, для тебя стѣнами своими будетъ говорить. Домогательство наше о пріобрѣтеніи твоего единомыслія всѣми возможными способами почитаемъ мы уже прямо званіемъ Божиимъ. Если какая либо власть (по умертвіи родителей) закономъ Божиимъ предоставлена старшимъ братьямъ надъ младшими, то всю сію власть обращаемъ, пускаемъ теперь противъ тебя въ дѣйство, тебѣ формально воспрещаемъ вступать въ Юрьевъ монастырь. Протестуемъ симъ въ твоей совѣсти.

...Что, любезнѣйшій, ужели ты все еще не слоняешь на нашу сторону вѣсовъ, столь вѣскими обстоятельствами наполненную, ужели все держать тебя на противной сторонѣ сія мятежная былинка — *мстное избраніе*? Если это дѣйствительно, если мы безсильны стали держать тебя, отрывайся же отъ насъ, ступай туда, куда давно устремлены твои тайные отъ насъ замыслы. Попирай всё предосторожности нашей любви, совѣты нашей дружбы. Но знай, что, прежде нежели ты вступишь въ Юрьевъ монастырь, ты окончательно подпишешь *распутную* съ нами книгу.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 февраля 1829 года.
Юрьевъ монастырь.

Любезнѣйшіе братья и друзья!

Что вы отпустили меня отъ себя съ широмъ, въ томъ отнюдь себя не укоряйте, да не лишитесь мзды за поспѣшествованіе моему спасенію, но паче признайте со мною промыслъ Божій, полагающій намъ предѣлъ, котораго мы преступить не можемъ и всему свое время назначающій, котораго ни отсрочить, ни ускорить нельзя намъ браннымъ. Собесѣдники мои всё были люди отличнаго благочестія по вѣрѣ и по дѣламъ, большею частію духовные пастыри стадъ иночествующихъ, и я только одного назову вамъ (ибо прочіе вамъ неизвѣстны), къ котораго имени вы благоговѣете, хотя лично его и не знаете, а именно, преосвященнѣйшаго *Филарета* ¹⁴⁾, нынѣ казанскаго архипастыря, съ которымъ я обращался самымъ простымъ и откровеннымъ образомъ, говоря ему все отъ сердца въ духовныхъ нашихъ бесѣдахъ и не встрѣчалъ отъ него пререканія и пользовался его искреннѣйшею любовію. Да благословитъ его Господь и Пречистая Его Матерь въ семь мірѣ и въ будущемъ. Отъ него и отъ

подобныхъ ему нельзя было мнѣ, чего да не будетъ во вѣкъ, развратиться въ вѣрѣ.

Что касается до слуха, дошедшаго, какъ вы пишете, и до преосвященнѣйшаго архипастыря нашего, что братъ Павелъ Александровичъ намѣревается оставить міръ для вступленія въ иночество, то слухъ сей невиннымъ образомъ могъ произойти отъ о. архим. Фотія, но виновенъ я, а не онъ. Прежде отъѣзда моего въ путь, онъ многократно спрашивалъ меня, что ежели я рѣшусь идти въ монастырь, не рѣшится ли и братъ, и я, не зная совершенно теперешнее положеніе и расположеніе брата, всегда отвѣчалъ ему, что сіе дѣло весьма возможно: такъ что нынѣ лѣтомъ, когда братъ кн. Владиміръ Александровичъ ¹⁴⁾ былъ въ монастырѣ и у о. архимандрита, то онъ, говоря о моемъ намѣреніи вступить въ обитель, шуткою сказалъ ему: мы и Павла перетащимъ. Легко можетъ быть, что нѣчто подобное и другой кто нибудь отъ него слышалъ. Могъ сей слухъ распространиться потому, что въ Петербургѣ насъ обоихъ знали совершенно во всемъ согласными, а потому, услышавъ о моемъ монашествѣ, легко можетъ статься, что приложили оное и къ нему. Вина моя, и прошу прощенія. Напоследокъ повергаясь къ ногамъ вашимъ (хотя вы сего и не одобряете, но между монахами это есть дѣло обыкновенное и даже обязанность), умоляю васъ отъ всего сердца пощадить бѣдное мое сердце и не поражать его болѣе ударами подобныхъ обличительныхъ и истязательныхъ посланій, ибо, кромѣ болѣзни отъ нихъ происходящей, я опасаюсь еще вѣщаго недуга душевнаго, а именно унынія, которое при теперешнемъ моемъ положеніи вступленія въ новое многотрудное житіе, при искушеніяхъ мысленныхъ отъ міра и врага, можетъ имѣть пагубныя слѣдствія, отъ которыхъ прошу побережь себя и меня, оставаясь навсегда въ несомнѣнномъ увѣреніи, что я подтверждаю мое объявленіе, остаюсь въ лонѣ матери нашей общей и не безъусерднымъ ея сыномъ и таковымъ желаю умереть.

Въ прошломъ письмѣ увѣдомлялъ я васъ о посланномъ мною ко владыкѣ Серафиму прошеніи, а теперь увѣдомляю, что уже послѣдовало и рѣшеніе опредѣлить меня въ число братства Юрьева монастыря, и владыка увѣдомилъ меня, что онъ весьма доволенъ тѣмъ, что, послушавъ его совѣта, избралъ я сію обитель. О. архимандритъ намѣренъ меня въ концѣ сей недѣли, ежели Богъ сподобитъ, облечь въ малый образъ, т. е. въ расу и камизавку, и для того я теперь говѣлъ и готовлюсь къ причастію. Почему опять васъ умоляю, всѣ мои проступки простить до забвенія совершеннаго. Остаюсь преданный вамъ братъ С. Шихматовъ. Письмо князя Сергія къ братьямъ отъ марта 11 дня 1829 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистой Его Матери, любезнѣйшіе и поч-

теплѣйшіе братья и друзья! Письмо ваше (отъ 22 февраля), въ отвѣтъ на мое, съ деньгами посланное, я получилъ и виѣсть получилъ глубокую язву скорби въ сердце мое. Но уповаю, что благодать Божія, немощная врачующіи, не оставитъ и меня страждущаго безъ своего вседѣйственнаго врачеванія. Господь поразитъ и исцѣлитъ, мертвитъ и живитъ. Васъ же, любезнѣйшіе братья, паки благодарю за ревностную вашу ко мнѣ недостойному любовь, которая хотя и тяжкую нанесла мнѣ скорбь, однако же, по чистотѣ своихъ побужденій, достойна всякаго уваженія. Только усерднѣйше и убѣдительнонѣйше прошу васъ пощадить мою немощь, которая отъ сильныхъ потрясеній вашего обличенія можетъ довести меня до совершеннаго изнеможенія. Одно только укрѣпленіе мое состоитъ въ томъ, что дерзаю и учащаю прибѣгать ко всемогущей помощи Вышняго, и благодареніе Его всеблагости, не вотще. Пощадите, любезнѣйшіе, и сами себя; и что сокрушаете самихъ себя по мнѣ, аки уже по умершемъ сѣтуя. Ежели бы не дали вы въ сердце ваше доступа подозрѣнію, то извѣщеніе мое о началѣ моего отъ міра удаленія въ Юрьевъ монастырь не могло бы не токмо поколебать брэннаго вашего состава (который для пользы многихъ да сохраняется въ возможной крѣпости до позднихъ дней), но даже ни мало не долженствовалъ бы вамъ показаться удивительнымъ. Ибо я вами отпущенъ былъ къ совершенію моего желанія воспріять на себя монашескій образъ, и въ не другой какой нибудь, а именно въ Юрьевъ монастырь. И потому я ничего не сдѣлалъ новаго и для васъ неожиданнаго, обратясь къ духовному начальству съ просьбою о помѣщеніи меня въ число братства Юрьева монастыря. Самое важнѣйшее для меня ваше согласіе есть на вступленіе въ иночество; и что вамъ Юрьевъ монастырь не нравится, поистинѣ, причины я тому не вижу. Въ монастырѣ семь господствуютъ порядокъ и спокойствіе, можно сказать, примѣрные для всѣхъ здѣшнихъ обитателей (почему и настоятель онаго отъ владыки сдѣланъ благочиннымъ многихъ монастырей), миръ и тишина между братією, достойные всякой похвалы; богослуженіе совершается по уставу съ точностію. Ежели позволено мнѣ угадывать ваше къ обители сей святой неблаговоленіе, то не остается сдѣлать иного заключенія, какъ того, что настоятель не имѣетъ вашей полной довѣренности и что вы опасаетесь, дабы, послѣдуя ему, не впалъ я въ неправословіе. Со страхомъ осмѣливаюсь я изложить сіе мое заключеніе и, буде оно не вовсе несправедливо, то долгомъ поставляю остеречь васъ отъ великаго для духовныхъ людей несчастія, отъ опасности глаголатъ несправедное беззаконіе. Опытномъ или паче опытами доказанная его ревность къ церкви Божіей, чрезъ него благодатию Божією защищенной отъ сильнаго нападѣнія *) враговъ ея, (по каковой ревности имя его останется въ лѣтописи церковной приснопамятнымъ), освобождаетъ меня

отъ надобности защищать его предъ вами, ревностными же чадами церкви, которая его однимъ изъ наиблизѣйшихъ сыновъ своихъ почитаетъ. Промысла Божія пути неизслѣдимы. Во врата Юрьева монастыря я уже вошелъ или паче введу торжественно церковно, ибо, когда получилъ ваше письмо, то уже около двухъ недѣль назадъ (а именно 16 февр.) съдобился воспріять на себя начатки ангельскаго образа постриженіемъ въ расу и камлавку, которыя и составляютъ теперь мое вооруженіе и украшеніе. И какъ монахъ, хотя еще и новоначальный, вамъ, вѣдущимъ и почитающимъ уставы монашескаго житія, должно напомнить не обинуясь, что первая главнѣйшая въ настоящемъ званіи моемъ обязанность состоятъ въ томъ, чтобы настоятеля своего чтить и любить отъ всего сердца, благоговѣть къ его повелѣніямъ, исполняя ихъ охотно и во всякое могущее какимъ либо образомъ возбудиться во мнѣ къ нему недовѣріе или неуваженіе или сему подобное почитать для спасенія своего крайне опаснымъ; а, напротивъ, отнюдь не смѣть судить судію своего, но повиноваться ему, аки Господу, а не аки человѣку а). Братія возлюбленные, будьте совершенно спокойны. Жаждетъ душа моя спасенія и

а) О. Аникита дѣйствительно въ высшей степени свято исполнялъ монашескую заповѣдь о послушаніи своему настоятелю. Отъ близкихъ родственниковъ о. Аникиты намъ приходилось слышать слѣдующій рассказъ, въ достовѣрности котораго едва ли можно сомнѣваться. Архимандритъ Фотій, какъ извѣстно, былъ благочиннымъ многихъ новгородскихъ монастырей. О. Аникита состоялъ при немъ въ качествѣ секретаря или письмоводителя. Исполняя письменное послушаніе, о. Аникита часто сидѣлъ и переписывалъ разныя бумаги въ келліяхъ о. настоятеля. Разъ приходятъ къ о. Фотію двѣ монахини одного изъ новгородскихъ женскихъ монастырей и начинаютъ ему, какъ благочинному, излагать разныя жалобы на строгія мѣры и разныя притѣсненія своей настоятельницы и пр. Фотій выслушивалъ жалобы монахинь, сидя у себя въ залѣ на диванѣ. Въ сторонѣ отъ него за особымъ столомъ сидѣлъ и переписывалъ бумаги о. Аникита. Когда монахини начали перечислять неудовольствія на настоятельницу, о. Фотій, обращаясь къ о. Аникитѣ, сказалъ: «Святой (такъ Фотій называлъ всегда о. Аникиту) поди сюда»; о. Аникита тотчасъ же всталъ изъ-за своего стола, подошелъ къ настоятелю и, сдѣлавъ ему низкій поклонъ, сталъ передъ нимъ. Фотій всталъ съ дивана и ударилъ о. Аникиту по щекѣ, о. Аникита отвѣтилъ на это глубокимъ поклономъ, раздалась другая пощечина, и новый глубокий поклонъ о. Аникиты. «Полѣвай подъ диванъ», сказалъ ему Фотій, послѣ того какъ наградилъ его двумя пощечинами. О. Аникита безпрекословно повиновался и полѣзъ подъ диванъ. Сидя на томъ же самомъ диванѣ, о. Фотій продолжалъ выслушивать жалобы монахинь, но послѣднія, видя предъ собою такую оригинальную сцену, очень скоро поняли смыслъ ея и поторопились поскорѣе оставить въ покоѣ своего начальника.

не невѣдаешь, что православіе единственныйъ къ оному пути, и сего пути держится всевозможнымъ образомъ, и лучше предасть, при содѣйствіи благодати, тѣло свое на погибель, нежели отъ него совратится. Успокойтесь и не тревожьтесь нисколько мыслію, что яко бы я съ вами неединомысленъ. Едину исповѣдую вѣру, едину исповѣдую церковь, едине стараюсь соблюсти житіе христіанское: не единствуемъ ли мы сердцемъ и душею? Я несомнѣнно уповаю, что Господь во время благопотребно утѣшить ваши ко мнѣ скорбяція сердца тѣмъ утѣшеніемъ, что вы прославите Его дивный надо мною Промыслъ чудно совершающійся, ко спасенію грѣшника, который, для очищенія грѣховъ своихъ, а паче юности, долженъ понести крестъ житія строгаго иноческаго. Теперь, нѣсколько поуспокоясь скажу вамъ, что, не взирая на скорби, чувствуетъ сердце мое и отраду въ новомъ моемъ званіи, а паче спокойствіе отъ развязки съ міромъ и его престелами. Здоровье мое хотя некрѣпко, но не болѣзненно. Теперь живу я въ скиту въ совершенномъ безмолвіи, провождая время въ исполненіи послушанія и молитвъ, приуготовляясь наки приступити къ безсмертной трапезѣ (ибо о. архимандритъ благословилъ меня каждую субботу обновляться великимъ таинствомъ). И для сего прошу васъ наки и наки простить меня многогрѣшнѣйшаго.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 5 апрѣля 1829 года.

Послѣднее твое письмо извѣщаетъ насъ, что ты уже вошелъ во врата Юрьева монастыря и что сіе случилось прежде полученія нашего письма. Поздравляемъ тебя съ симъ вступленіемъ въ преддверіе монашескаго обѣта и житія. О семъ теперъ почитаемъ невременнымъ съ тобою бесѣдовать. О семъ побесѣдуемъ, когда получимъ всей нашей любовію требуемое и ожидаемое отъ тебя безусловное, необращающееся вспять согласіе съ нами и съ церковно-учебными посланіями.

Скажемъ тебѣ еще, въ отвѣтъ на твое послѣднее письмо, что мы дѣйствительно не можемъ не полагать всѣхъ прежнихъ единомышленниковъ твоихъ также погрѣшающихъ какъ и тебя противъ той точности, съ каковою ты самъ почиталъ неразлучной обязанность всякаго православнаго христіанина. Когда мы, съ помощію Божіею, склонили было тебя принять церковно-учебныя книги, какъ мы и вся наша русская церковь принимаетъ оныя, то просили тебя вразумить и всѣхъ единомышленниковъ твоихъ, которыхъ неправильное мнѣніе, тобою оставленное, ты не можешь не знать, имѣя такое частое подробное съ ними о вѣрѣ разглагольствіе. О всѣхъ такихъ лицахъ, о всѣхъ безъ изыятія, мы не иначе можемъ перемѣнить свое мнѣніе, какъ удостовѣрившись также, какъ желаемъ удостовѣриться о тебѣ. Напротивъ, почли бы себя погрѣ-

жившими немало, когда бы поступили вопреки сей мѣрѣ христіанскаго благоразумія, которая предписываетъ, не оскорбляя впрочемъ никого, наблюдать всевозможную осторожность. Про себя всѣмъ позволено судить и о всѣхъ и, вслѣдствіе такого сужденія, располагать свои поступки; упущеніе въ семъ есть самое то, что называется безразсудностію. Если бы кто и несправедливое имѣлъ мнѣніе о комъ либо, но ежели онъ составилъ оное изъ справедливаго заключенія по стеченію обстоятельствъ, по которымъ одинъ онъ можетъ о немъ судить, то такое погрѣшеніе, если его можно назвать таковымъ, безъ сомнѣнія причисляется къ невольному. Ограниченныя твари, мы не иначе можемъ судить о людяхъ, какъ по ихъ мнѣніямъ и правиламъ и по инымъ знакамъ, доходящимъ до насъ. Самая молва людская не должна быть принимаема... Итакъ, не простирай сего нашего съ тобою словопренія, ожидая, не оскорблена ли честь кого либо. Судить никого мы не предпринимаемъ, но намъ это предоставлено. Но разбирая дѣло о тебѣ и дѣло такой важности, не можемъ мы не брать въ разсужденіе лицъ въ ономъ прикосновенныхъ. Когда себѣ сего не дозволить, то самая способность сужденія, самый разсудокъ будетъ излишнимъ. Когда бы мы себѣ сего не дозволили, то не могли бы остеречь и тебя и за то вмѣсто благодарности, которую мы отъ тебя получили, заслужили бы праведное отъ тебя порицаніе.

Не излишнимъ будетъ еще, для умноженія вѣса нашей части вѣсовъ, увѣдомить тебя, что мы рѣшились на продолженіе, по отбытіи твоёмъ отъ насъ, нашего съ тобою словопренія, съ совѣта нашего духовнаго отца¹⁸⁾, котораго почли за нужное ввести въ тѣ обстоятельства, которыя можно было ему открыть; на сіе мы тѣмъ паче рѣшились, что онъ и твой духовный отецъ, и притомъ человѣкъ испытаннаго благочестія. Онъ не почелъ ничѣмъ обремененной совѣсть нашу, выслушавъ главныя причины нашего несогласія. Если ты рѣшишься на такое точное неоговоренное церковноучебныхъ преподаваемыхъ книгъ пріятіе, какого мы желаемъ всѣмъ сердцемъ, то постриженіе въ монашество отъ тебя не уйдетъ. Буде же напишешь неудовлетворительное намъ посланіе, то воздержись вступить въ сей священный санъ въ несогласіи съ нами въ несогласіи о предметѣ столь важномъ, въ Юрьевъ монастырь или въ какой иной.

Но и самое безмолвное пріятіе твое ученій церковныхъ не достаточнымъ будетъ теперь, чтобы намъ подтвердить прежде согласіе на твое вступленіе въ монашество, т. е. въ такое состояніе, въ которомъ ты слѣпо обязываешься принимать мнѣнія другихъ въ вѣрѣ. Надобно, чтобы время утвердило твое съ нами и насъ бы удостовѣрило въ постоянномъ непоколебимомъ твоёмъ церковнаго ученія пріятіи. *Да и тогда не въ*

Юрьевъ монастырь тебѣ наше благословеніе. Вотъ, что тебѣ говоритъ наша къ тебѣ любовь, родство и дружество. Но въ тебѣ давненько не встрѣчается искренняго совѣтамъ нашимъ вниманія. Прилѣпленіе твое къ Юрьеву монастырю и многія иныя обстоятельства показываютъ намъ, что въ умъ твоимъ не избраніе монастыря слѣдовало за избраніемъ монашества, а монастырь былъ послѣдствіемъ намѣренія жить въ Юрьевъ монастырь.

Замѣть далѣе, до какой степени переѣнилъ ты къ намъ расположеніе, что ты въ самомъ томъ свободно искреннемъ нашихъ мыслей и сердечныхъ чувствъ изложеніи, которымъ дышетъ истинная любовь, чуждая свѣтской политики, видишь не братьевъ, раздирающихся сердцемъ, а какъ бы судей, обличающихъ вовсе чуждаго имъ подсудимаго. Вспомни, какое близкое ты намъ лицо. По сей близости нашей лежитъ на насъ долгъ подвизаться... и не мало сѣтуемъ на самихъ себя, когда по немощи своей тяготимся бременемъ симъ, которое Господу угодно было присоединить къ нашему вѣсту.

Доколѣ ты еще не изрекъ, доколѣ еще не закрытъ входъ въ Юрьевъ монастырь нашимъ письмамъ, не престанемъ до конца сближать тебя съ нами въ твоимъ вѣроисповѣданіи.

**Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 20 апрѣля 1829 года.
Юрьевъ монастырь.**

Христось воскресе!

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Любовь ваша ко мнѣ, которую чувствую съ благодарностію, прие-
летъ на себя трудъ назирать всѣ шаги мои, и, такъ сказать, какъ бы
водить меня за руку мою. Но не утомителенъ ли и не измѣненъ ли
будетъ для нея трудъ сей? Не должно ли оставить мѣста благодати
Господней дѣйствовать силою своею въ моеи немощи, той благодати,
которая извела меня изъ мірскаго житія и чрезъ церковь возложила
на меня малый иноческій ангельскій образъ, и церкви, въ лицѣ служи-
телей ея, а своихъ избранниковъ вручила меня для наставленія на
подвигъ совершеннѣйшаго жительства, на тѣсный и прискорбный путь
ко спасенію. Симъ вождямъ долженъ я слѣдовать неуклонно и имъ
покоряя свою волю, отъ нихъ получать спасительное вразумленіе. Сихъ
вождей я судить не смѣю, и даже ни чьихъ сужденій объ нихъ, особенно
же имъ неблагопріятныхъ, принимать не долженъ, дабы не возмутить
должнаго къ нимъ сердечнаго своего покоренія. Осмѣливаюсь, прося
убѣдительноше васъ съ вашей стороны къ тому же мнѣ споспѣше-
ствовать своими совѣтами, просить васъ не допускать до себя, или

по крайней мѣрѣ не принимать молвы недоброй и ложной о томъ лицѣ, котораго дѣла его защищаютъ, какъ ревностнаго и свѣтше избраннаго защитника православія, въ ту страшную годину, когда оно боримо было сильными нападеніями богопротивныхъ писаній и сочиненій. Осмѣливаюсь также замѣтить, что поелику слово Божіе есть живо и дѣйственно, и проходящее до раздѣленія души же и тѣла, и судительно помышленіямъ сердечнымъ человѣческимъ, то кажется, что оное грозное изреченіе: не судите (Мѡ. VII, 1), относится не только ко внѣшнему, но и ко внутреннему въ тайнѣ сердца совершаемому сужденію ближнихъ, которое приводитъ къ осужденію. Ежели нѣтъ сѣмени терноваго, то и терніе вырости не можетъ; а ежели есть сѣмя, то и растеніе можетъ прозябнуть. Простите мнѣ мою дерзость невольную.

Ревность вашего о мнѣ попеченія, на мнѣ не останавливаясь, простирается и до другихъ, называемыхъ вами прежними моими единомышленниками. Позвольте, братіе любезнѣйшіе, изнести въ услышаніе вамъ вопль и стонъ сердца моего, болѣзнуючаго при такомомъ названіи. Оно укоряетъ меня, что аки бы я, содѣлавшись самъ раскольникомъ, соблазнилъ и другихъ привлеченіемъ ихъ въ свой расколъ. Ни до того, ни до другого зла Господь меня не допустилъ и да не допустить. Единомышленники мои прежніе и нынѣшніе суть всѣ православные христіане. Называемые же отъ васъ прежними (суть или пастыри церкви богомудрые, или мужи изъ мірскихъ, словомъ и дѣломъ благочестивыхъ, и потому успокойтесь относительно ихъ вѣрованія: таковыхъ чадъ церкви искреннѣйшихъ подобаетъ мнѣ быть ученикомъ (а можетъ быть и не одному мнѣ), а не учителемъ.

Что же касается до воспріятія мною монашескаго обѣта, увѣдомляю васъ, что, взявшись за рало не съ тѣмъ, чтобы зрѣть всячь, а усерднѣйше желаю придти скорѣе тому времени, когда кончится мое испытаніе, и отверзется мнѣ дверь во вступленіе въ совершенное иноческое званіе, дабы вступить въ оное съ благодареніемъ въ сердцѣ и въ устахъ Господу, призвавшему меня недостойнѣйшаго въ ближайшее предъ лицемъ Его предстояніе и служеніе. Болѣзненно мнѣ слышать, что вы поставляете препону сему намѣренію моему съ вами, любезнѣйшіе братья, аки бы несогласіе. Я сей препоны отнюдь не вижу; ибо, находясь въ совершенномъ согласіи съ церковію, съ вами ли ревностнѣйшими сынами церкви почту себя въ несогласіи? Доно православной святой нашей церкви, и васъ въ себѣ покоящее, и меня въ себѣ содержащее, одно и то же, а потому и мы по вѣрѣ нашей одно и то же. Братья и друзья, престаньте тревожиться подозрѣніемъ и оставяйтесь въ совершенномъ увѣреніи, что и я, грѣшный, сынъ церкви православной, такъ, какъ и вы, и недо-

вѣріемъ вашимъ не лишайте меня сего и вамъ и мнѣ общаго и досто-
чимаго нарицанія: и отнынѣ молю васъ убѣдительноѣйше и униженнѣйше,
да прекратятся прежнія обличенія для сердца моего тяжкія и неудобно-
носимыя, и для вашего горестныя и болѣзненныя. Отвѣчать на оныя я
уже не въ силахъ, а и слышать робѣю.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 27 мая 1289 года. Скитъ
Юрьева монастыря.

Здравствуйте любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Приготовляясь, по благословенію настоятеля, въ безмолвіи скитскаго
удиненія, къ принятію въ день пятидесятницы самаго Господа славы
въ убогій домъ грѣшной души моей, и благодати Всесвятаго Духа,
сошествіемъ Своимъ, въ день пятидесятницы празднуемымъ, весь міръ
обновившаго, прошу, съ поклоненіемъ до земли, разрѣшить на мнѣ
пѣяныя грѣховъ, ими же когда либо и въ чемъ либо согрѣшилъ предъ
вами, и по любви вашей ко мнѣ недостойному почитаю уже прошеніе
мое исполненнымъ.

О себѣ, окаяннѣйшемъ рабѣ всемилосердаго Господа моего, много ска-
зать мнѣ нечего, какъ токмо, повергаясь предъ Нимъ въ прахъ уничи-
женія, воззвать: Щедръ и милостивъ, и долготерпѣливъ и многомилос-
тивъ (Псал. СII, ст. 8)! Толикое множество содѣянныхъ студныхъ
преступленій не возбраняли Всемилостивому посѣтить преступника благо-
датію помилованія. Исполняя разнаго рода послушанія, видя въ настоя-
телѣ своемъ отца по духу попечительнѣйшаго, ревнующаго по Бозѣ
Вседержителѣ ревностію святою спасти себя и дѣтей, аже даде ему
Богъ, видя незлобіе и добродушіе и согласіе братіи, благодарю Промыслъ
Всецедраго и меня грѣшнаго къ нимъ присоединившаго, именемъ Все-
благаго да утвердится до конца на мнѣ грѣшномъ милость Его, извед-
шая меня отъ суетъ для удобнѣйшаго многихъ грѣховъ моихъ очищенія.
Ваши святыя молитвы да пособствуютъ мнѣ въ испрошеніи желаемаго
дара небеснаго. Здоровье мое, кажется, не уменьшается, и хотя многіе
изъ братіи страдали и еще страдаютъ лихорадкою, которая есть въ
Новгородѣ и въ окрестностяхъ нынѣ весьма обыкновенна, я, благодаря Го-
спода, не испыталъ на себѣ ея лихости.

Въ монастырѣ у меня предъ кельями садъ новонасаженный, кото-
раго часть принадлежит моему жительствоу¹⁹⁾; а въ скиту я живу
на берегу моря и слышу шумъ волнъ, разбивающихся о брегъ; ибо
нельзя не назвать моремъ разлитіе озера и рѣки на нѣсколько верстъ.
О если бы даровалъ Господь мирное убѣжище, въ благодати своей, сердцу
моему, волнами страстей избитому и еще обуреваемому. Жду спасенія
Господня.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 18 іюня 1829 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Здравствуйте любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Исполнивъ письменное послушаніе ²⁰⁾, которое нѣсколько времени заставило меня прожить въ монастырѣ, теперь опять уклонился я въ безмолвный свой уголъ почти пустыннаго уединенія и опять, по благословенію настоятеля, готовлюсь ко вкушенію хлѣба небеснаго, и опять всѣмъ до земли поклоняюсь, требующій прощенія. Хотя за исправленіемъ разныхъ послушаній и не имѣю я столько времени, сколько бы желалъ, для благомыслия, однакоже о семъ не скорблю, памятуя, что отреченіе отъ міра состоитъ наипаче въ совершенствѣ послушанія, до котораго отречающемуся всемірно достигать должно.

Недавно посѣтилъ меня въ монастырскихъ моихъ кельяхъ почтеннѣйшій мой отецъ и благодѣтель Александръ Семеновичъ ²¹⁾. Отправляясь въ Москву, дабы путешествіемъ и леченіемъ искусственно-минеральными водами разслабленное свое здоровье подкрѣпить, онъ, проѣзжая Новгородъ, не обѣдился почтеннѣйшій, несмотря на слабость свою, пріѣхать въ нашу обитель, и я со слезами радости его встрѣтилъ и благодарилъ Господа и Пречистую Его Богоматерь, что еще единожды сподобился увидѣть и облобызать мужа и добродѣтелями и просвѣщеніемъ и заслугами великаго, и мнѣ, въ теченіе почти 30 лѣтъ, отеческія милости оказывавшаго. Храмина его тѣлесная весьма обветшала, но да дастъ ему Господь подкрѣпить оную или, ежели скоро уже ея раззореніе, обрѣсти храмину вѣчнаго упокоенія на небесѣхъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 3 іюля 1829 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистой Его Богоматери
Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе друзья и братья.

Что принадлежитъ до извѣщенія вашего, чтобы я не страшился и оставилъ бы политику, скажу вамъ откровенно, хотъ и явились предъ вами яко лжа глаголы сердечной моей откровенности (а любви, любезнѣйшіе братья, не мыслить зла) о Господѣ вамъ сказанныя, скажу вамъ откровенно, что страха никакого не токмо въ сердцѣ, и въ мысли не имѣю, и что политика и въ мірѣ живучи я удалялся, то тѣмъ паче теперь въ черныхъ ризахъ долженъ ею гнушаться. Пиша вамъ отъ сердца собственно самъ отъ себя, все это пишу вамъ изъ Юрьева монастыря, написалъ бы вамъ изъ всякаго другого. Притомъ же еще разъ прошу повѣрить мнѣ, что *Юрьевъ монастырь не есть нѣздо еретичества, а напротивъ хранилище православія церковнаго.*

Полагая конецъ вынужденному и тяжкому для меня (по причинамъ прежде объявленнымъ) состязанію съ вами, съ поклоненіемъ монашескимъ до земли, прошу не отрѣзывать меня отъ вашего согласія и простить меня великодушно, ежели чѣмъ либо какъ въ семь, такъ и въ прежнихъ письмахъ, оскорбилъ, хотя нѣсколько, вашу нѣжную ко мнѣ любовь, которая да не тревожится болѣе никакимъ отнюдь недоверіемъ къ моей искренности.

Надняхъ отыскалъ меня, бывшій проѣздомъ въ Новгородъ, почтенный старикъ послѣ Устина служившій мнѣ многіе годы, котораго благочестіемъ я крайне былъ доволенъ, и обнадежилъ меня, что опять преселится ко мнѣ въ монастырь, ибо онъ лишился жены; дѣтей всѣхъ устроилъ, и имѣетъ позволеніе отъ господъ своихъ жить у меня. Ежели его Господь ко мнѣ пошлетъ, то лучшаго не надобно...

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 сентября 1829 года.
Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистой Его Богоматери
Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Учащая четырежды въ день на молитву общаго богослуженія (которое вы называете обрядовымъ служеніемъ и о которомъ—простите великодушно—пишете такъ рѣзко, что мнѣ грѣшному и читать больно) и въ келіи кой-какія молитвы, занимаясь и послушаніемъ письменнымъ и книжнымъ, не имѣю я времени и возможности также распространяться въ моихъ писаніяхъ въ отвѣтъ на ваши, которыя, признаюсь, и прочитывать долженъ иногда выискивать свободнаго времени, лишая себя не токи душеполезнаго богомыслія, но и самаго нужнаго церковнаго чтенія. Скорблю сердечно, что любовь ваша ко мнѣ только для меня утруждается; и за трудъ ея, въ пользу мою подъемлемый, хотя и тяжкій для меня, приношу искреннѣйшее благодареніе.

На слѣдующей почтѣ отправлю къ вамъ обратно тетради ваши, заключающія въ себѣ доказательства о истинѣ вѣры, которыми, по предположенію вашему, не могъ я воспользоваться. Съ семи тетрадями посылаю три книги Псалтири, вамъ двоимъ двѣ, да для брата князя Прохора ²²⁾ Александровича третію, новаго прекраснѣйшаго изданія, но не отъ себя, а яко благословеніе вамъ отъ почтеннѣйшаго моего настоятеля о. архимандрита Фотія, который подарилъ мнѣ таковую книжку, подарилъ еще по одной для каждаго изъ моихъ братьевъ, дабы я отправилъ къ нимъ оныя, яко его благословеніе. Пріятно мнѣ сіе порученіе, и исполняя оное, желаю, да почтеть на васъ благословеніе мужа благословеннаго Господу.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, отъ 28 ноября 1829 года.

Послѣ всего того, что мы писали тебѣ, суди самъ, можемъ ли мы спокойно видѣть тебя за 600 верстъ отъ насъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Ты тамъ имѣешь намѣреніе вступить въ тѣснѣйшій союзъ съ церковію, будучи мнѣніямъ церковно-учебныхъ книгъ противящимся. Если сію врачебницу избралъ ты для своего излеченія, то какъ надѣяться тебѣ въ ней отгнанія недуга, когда ни ты и никто не подозрѣваетъ въ тебѣ его существованія. Напротивъ, съ сей-то стороны почитаютъ тебя наиздоровѣйшимъ. Слѣдовательно, эта врачебница нимало насъ не успокоиваетъ. Твоя болѣзнь въ томъ и состоитъ наипаче, чтобы не видѣть болѣзни, а потому не тотъ врачъ тебѣ можетъ быть полезенъ, который приѣмлетъ болѣзнь твою по твоимъ обманчивымъ чувствамъ, а который самъ своею прозорливостію вникаетъ въ твой составъ и доходитъ до корня болѣзни. Для сего надобно знать обстоятельно твою духовную натуру, твой образъ духовной жизни, твои склонности, привычки. Кто же можетъ знать ихъ лучше насъ? Мы такъ тебя хорошо знаемъ...

Вся бѣда отъ того, что ты безъ всякой причины съ нашей стороны лишилъ насъ своей довѣренности и въ встрѣчающихся недоумѣніяхъ прибѣгалъ уже къ инымъ совѣтникамъ, которые и успѣли всѣять въ тебя сѣмя недоувѣрчивости къ церковной вообще системѣ (проповѣди). Поздно мы о семъ хватились, поздно замѣтили, что ты увлеченъ за черту и подъ видомъ ревностнаго защищенія церкви сталъ удаляться отъ церковныхъ постановленій, защищая церковь идеальную насчетъ истинной, видимой, существующей.

Чрезмѣрное твое прилѣпленіе къ обрядамъ и обычаямъ даетъ знать, что ты завлеченъ за черту. Если бы ты не отступилъ въ такомъ существенномъ предметѣ отъ единоутробныхъ и нераздѣльныхъ съ тобою, то и самое недоумѣніе твое, которое теперь повлекло тебя искать новыхъ учителей, постарались бы мы совожуно рѣшить на основаніи церковно-учебныхъ книгъ, и ты бы обрѣлъ опять твой покой въ томъ же блаженномъ лонѣ нашей церкви, въ которомъ ты отъ многихъ лѣтъ находился. Ты увѣряешь, что ты въ теперешнемъ мѣстѣ (Юрьевомъ монастырѣ) обрѣлъ покой... Здѣсь въ Архангельскомъ ожидалъ тебя истинный покой, покой совѣсти, миръ съ собою и съ нами. Ибо невѣроятно, чтобы ты могъ быть въ мирѣ съ собою, пребывая въ разномыслии съ нами въ такомъ важномъ предметѣ. Вотъ твоя врачебница. На помощь Божію надѣясь, дерзаемъ увѣрить тебя, что ты дѣйствительно найдеши ее здѣсь, когда вступиши въ сіе общезитіе наше, совершенно безусловно показывая повиновеніе церкви, проповѣди закона Божія. Архангельское во всѣхъ отношеніяхъ соответствуетъ тому мѣсту твоего на землѣ

покоя, который, зная твое духовное расположеніе, предписалъ бы тебѣ мудрѣйшій духовный врачъ.

Еще позволимъ тебѣ замѣтить, что кажется не должно бы тебѣ имѣть большее если неуваженіе къ старѣйшинству нашему въ избраніи мѣста и образа жизни, то по крайней мѣрѣ во имя сего старѣйшинства. Ибо спроси свой разумъ, свою совѣсть, дозволила бы тебѣ матушка на такое избраніе мѣста противъ постоянного неодобренія большей половины нашего семейства, полною ея довѣренностію пользовавшагося, и противъ нашего убѣдительнаго доказательствами сопровождаемаго ей слезнаго представленія? Нѣтъ, нѣтъ. Я совершенно увѣренъ, что она вынала бы нашему безпристрастному сужденію и едва ли бы она тебя благословила и на яву также, какъ ты видѣлъ во снѣ ²³). И такъ ты смерть матушки долженъ почитать благопріятствующей твоихъ желаній исполненію.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, писанное ими въ началѣ января 1830 года.

До насъ, любезный другъ, дошли слухи о томъ, что ты поступилъ въ іеромонахи... Не думаемъ, чтобы слухи эти были вѣрны, но отсюда заключаемъ, что ты дѣйствительно близокъ къ постриженію въ монашество и къ поступленію въ число братіи Юрьевскаго монастыря и, какъ мы подозрѣваемъ, что ты можешь рѣшиться произвести въ дѣйствіе сіе намѣреніе твое безъ всякаго съ нами о томъ сношенія, то и находимъ за нужное повторить здѣсь вкратцѣ еще разъ наше семейственное нежеланіе, чтобы тебѣ основаться въ семъ монастырѣ. Подѣйствуетъ оно или не подѣйствуетъ, но мы почитаемъ себя обязанными повторить здѣсь, по праву нашего старшинства, и братства, и дружества, наши резоны, удерживающіе тебя отъ предпріятія, въ которомъ званіе Божіе не только сомнительно, но и сильное имѣетъ на себѣ подозрѣніе, что оно не есть таково, хотя нѣкоторое откровеніе, привязанное къ оному, и даетъ ему видъ званія Божія. — Если и самое сіе *откровеніе* не имѣетъ въ себѣ ничего подозрительнаго, то и тогда многія другія обстоятельства ведутъ не къ тому, а къ противоположному заключенію. Но мы видимъ напротивъ того, что и самое-то событіе, которое ты называешь чудеснымъ откровеніемъ, оказывается имѣетъ въ себѣ такія обстоятельства, которыя ты предъ нами оправдать никакъ не могъ, т. е. не могъ удовлетворить насъ, какимъ образомъ это дѣло человѣческое ввучено въ событіе, выдаваемое за истинное дѣло Божіе..... Положенныя на письмѣ къ тебѣ семь печатей съ англійскимъ девизомъ и употребленная по твоему собственному показанію ложь, доказываютъ, во-первыхъ, человѣческое заимствованіе

тайственныхъ покрововъ печатами, которыя не иначе можно бы было законно употребить, какъ по чудесному же повелѣнію, котораго не было; ибо если бы было, то о немъ непременно упомянуто было въ письмѣ, а слѣдовательно этимъ уничтожило тотъ покровъ и одинаго, употребившаго тайственность. Во-вторыхъ, англійская печать съ англійскимъ же девизомъ ясно показываетъ, что кромѣ одинаго изъ монашествующихъ, какъ утверждаетъ письмо, было тутъ и другое постороннее лицо, и уже изъ не монашествующихъ, изъ которыхъ, навѣрное, никто не знаетъ англійскаго языка, а стороннее, которое бы не токмо сообщило сію печать, но и въ состояніи было объяснить, что девизъ сей значитъ, ибо по невѣдѣнію можно бы было употребить одну изъ модныхъ, отъ монастыря направленныхъ, любовныхъ такихъ печатей. Если не допускать сего, то чѣмъ рѣшить вопросъ: какъ дошла печать съ англійскимъ девизомъ въ монастырь, и кто объяснилъ ей девизъ? Монашествующимъ имѣть ее никакъ не предположительно, и разумѣть девизъ, не разумѣя языка, невозможно. Въ третьихъ, слѣдуетъ тебѣ напомнить на счетъ жи, открывающейся, по твоимъ словамъ, тѣмъ, что писавшій отрицается и вмѣсто да говорить нѣтъ. Но прежде, нежели продолжить замѣчанія о вышеписанныхъ обнаруживающихся несообразностяхъ, спросимъ, нужно ли, по услышаніи отъ кого-либо о призваніи Божіи, рассмотреть все подробно прежде, нежели почитать оное таковымъ? Отвѣствуемъ устами церкви, устами евангелія: нужно непременно и не токмо нужно, но и такъ необходимо, что за пріятіе безъ сего рассмотрѣнія подлежать будемъ отвѣту, ибо ясно такое изслѣдованіе повелѣвается въ законѣ Божіемъ. Сверхъ того, если такое пріятіе слѣдуетъ допустить, то допущеніе такое оправдываетъ всякую ложь и обманъ, который, по несчастію, много вредитъ, и легковѣрные умы, облекая благочестіемъ, стараются выдавать за истину эту ложь. Если же должны изслѣдовать, то въ нашемъ разбирательствѣ не только нѣтъ ничего богопротивнаго, но богоугодное заповѣдей Его исполненіе открывается. Вотъ почему мы такую смѣлою рукою раскрываемъ тайственный покровъ, надъ которымъ ты заняться не имѣешь, и, когда раскрываютъ предъ тобою, закрываешь глаза, раскрой ихъ теперь вотъ на эти наши обстоятельства, и наша совѣсть, не терпя укрятія оныхъ покровомъ чудеснаго, открываетъ изложенное выше.....

Вотъ, любезный, наши резоны, по которымъ мы по совѣсти не можемъ не противиться твоему вступленію въ Юрьевъ монастырь, ибо откровеніе сіе обличено, и само по себѣ, и навлекло на себя сильное подозрѣніе и по сопровождающимъ его обстоятельствамъ.

Откровеніе сіе дѣлаетъ уже вступленіе твое туда (Юрьевъ монастырь)

непозволительнымъ и насъ побуждаетъ всѣми силами не допускать тебя до того, что нынѣ торжественно тебѣ о семъ и объявляемъ.

Письмо кн. Сергія къ братьямъ, отъ 3-го февраля 1830 г. Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ Вамъ отъ Господа и отъ Пречистыя Его Богоматери и отъ святыхъ и праведныхъ Симеона и Анны,

Любезнѣйшіе братья и друзья.

Слухи, дошедшіе до васъ о моемъ іеромонашествѣ и встревожившіе васъ и обратившіе васъ къ прежнимъ возраженіямъ, которыя не вовсе оставлены были безъ отвѣта, слухи сіи суть несправедливы. И прежде и теперь я вамъ писалъ и пишу, что поставленный Промысломъ на тѣсный путь иночества, я ублажаю мой жребій, и да не будетъ мнѣ отнюдь, возложивъ руку на рало спасенія, озираться вспять (Лук. IX, 62 ст.) на оставленныя суеты міра, дабы ни мыслию не увязнуть въ тонкихъ и хитроразставленныхъ сѣхъ сѣтяхъ. Чувствуя себя посомъ нечистымъ, почитаю себя недостойнѣйшимъ впущену быть во святое святыхъ: — но не отчаиваюсь принять быть милосердіемъ Божиимъ, во время благопотребно, въ ликъ ангеловъ земныхъ (ибо таковыми почитаю я съ православною нашею церковію иночествующихъ подвижниковъ), дабы благодатію Божіею очистившись отъ сквернъ житія прешедшаго, прочее живота время посвятить покаянію и богоугожденію въ безмолвіи и богомыслии, получивъ въ воспріятіи иноческаго чина благодать возблагодарить къ богоугожденію. Ежели сіе предпріятіе кажется для васъ необдуманномъ, прошу у васъ прощенія, но отъ предпріятія по моей слабой душѣ богоугоднаго отступить страшусь и не помышляю. *Да не смущается сердце ваше неправымъ сужденіемъ о святой обители св. великомученика и побѣдоносца*, въ ней же я, грѣшный, водворяюсь, вступивъ въ оную съ надеждою постриженія и получивъ въ ней посему и начатки ангельскаго образа. Не прогнѣвайте святаго великомученика осужденіемъ чудесно покровительствуемой имъ обители: чудесно, *ибо изъ совершенныхъ развалинъ возобновилъ онъ ее вдругъ въ самоблагодѣлннѣйшемъ видѣ* ²⁴), дабы возсылаемое въ ней славословіе Господу и прославленіе Его самого во славу Божію чрезъ семьсотъ лѣтъ на семъ мѣстѣ продолжавшееся и бывшее многимъ душамъ виною спасенія, не умолено, но съ вящею силою продолжалось еще вѣки, доколѣ Господу угодно. Чудесно, ибо въ наши дни, воочію нашу явилъ онъ въ ней великими благодѣянїями свое благодатное присутствіе, о чемъ я вамъ *для прочтенія пришлю тетрадь*, когда перепишется и, можетъ быть, съ вашею рукописью, съ покорнѣйшею просьбою, прочитавъ возвратитъ оную ко мнѣ немедленно.

Изъ оной усмотрите вы, что обитель святая наша паче многихъ другихъ, въ которыхъ даже негнѣнные открытые останки святыхъ прославляются, имѣетъ свыше благодать спасительную челоукамъ и губительную врагамъ нашимъ невидимымъ. Изъ оной утѣшится ревнующее по православной вѣрѣ нашей сердце ваше доказательствомъ несомнительнымъ, что и нынѣ между чадами церкви есть такія, которыя имѣютъ въ себѣ знаменія истинной богоугодной вѣры, по реченному: знаменія же вѣрующимъ сія послѣдуютъ, и проч.: Будьте спокойны, не въ худое мѣсто привела меня божественная благодать и ввела на путь смиренія, хотя и не безскорбный, но очистительный, и напоиваетъ меня чашею спасенія не негорькою для внѣшняго челоука, а особенно для гордости, имѣ живущей, но сладкою для внутренняго, приводя его къ исцѣленію отъ немощей киченія и возношенія средствами униженія и умаленія. Оставивъ излишній трудъ и неполезный для вашей души и моей грѣшной убѣжденія къ извлеченію меня изъ нѣдръ святаго мѣста, пролейте усерднѣйшія ваши молитвы о моемъ окаянствѣ, да начный дѣло спасенія моего Господь Спаситель и совершитъ оное къ славѣ пресвятаго Своего имени, дабы разставшимся намъ здѣсь на краткое время уже не многихъ нашихъ дней, соединиться тамъ на вѣки, да любя другъ друга вѣчною любовію, единомысліемъ исповѣмы всесвятую Троицу: Отца Сотворителя, Сына Искупителя, Дука Освятителя, во всю вѣчность...

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 17 марта 1830 г. Юрьевъ монастырь.

Миръ вамъ, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Повергаясь предъ вами съ крайнимъ болѣзнованіемъ, прошу отпущенія всякой вины моей когда либо и въ чемъ либо предъ вами содѣянной. Сіе полное и совершенное ваше прощеніе и отпущеніе тѣмъ для меня нужнѣе, что уже время мое, о которомъ я нѣбогда вамъ писалъ, что оно близъ есть, не зная еще какое оно, нынѣ уже наступило, время отреченія отъ міра и воспріятія на себя ига Господня благаго, и шествованія за нимъ по тѣсному и прискорбному пути иноческаго подвижничества. Святѣйшій Синодъ, по представленію настоятеля моего, рѣшилъ сообразить время искуса моего на основаніи законовъ и благословилъ мое въ иночество постриженіе, которое, какъ скоро ожидаемый о семъ указъ придетъ въ здѣшнюю консисторію, уповаешь въ самомъ непродолжительномъ времени совершиться. Приступаю къ сему духовному моему обновленію, въ которомъ, по наученію святой церкви, пріемлющему отъ искренняго сердца великій на себя обѣтъ иноческаго ангельскаго

образа, отпущаются все содѣланные имъ грѣхи во вся дни живота его, и онъ творится новъ духомъ, аки вторично крещенный, почему и налагается ему новое имя; приступая къ сей великой благодати Божіей, прошу вашего напутствованія прощеніемъ, моленіемъ, благословеніемъ; прошу всеусерднѣйше и да внидетъ прошеніе мое въ уши вашего сердца... И въ семъ случаѣ явилъ мнѣ Господь необычайную милость тѣмъ, что, призывая грѣшника на спасительнѣйшій путь благоудобнѣйшаго Ему покаянія, отвратилъ, можно сказать, чудеснымъ образомъ, все препятствія, возбранявшія еще стопамъ моимъ вступленіе на путь сей желаемый. Буди слава святому Его имени и благодареніе Заступницъ рода христіанскаго, святымъ Его о мнѣ грѣшномъ предъ благостію Его ходатаямъ. За симъ *прошу покорнѣйше постыжить присылкою мнѣ обратно тетради моей*, отправленной къ вамъ съ вашимъ рукописнымъ сочиненіемъ, *содержащей въ себѣ явленіе силы Божіей въ немощи человеческой надъ силами присподней, явленіе дивное, награждающее истинную богоудобную вѣру избраннаго орудія благодати Божіей*²⁵) и утверждающее оную въ видѣвшихъ и слышавшихъ. Пославъ къ вамъ тетрадь свою собственно для вашего токмо прочтенія, всепокорнѣйше васъ прошу, ежели вамъ разсудилось списать оную или сдѣлать изъ нея выписки самимъ, или и другому кому сіе вы сдѣлать позволили, прошу васъ всеусерднѣйше, подъ отвѣтомъ совѣсти вашей предъ Господомъ, все сіи списки и выписки какъ ваши, такъ и чужія, переслать ко мнѣ немедленно, дабы вѣренная вамъ тайна оставалась тайною въ вашемъ вѣдѣніи, дабы врагу отнять всякое средство порицаніемъ тщеславія оклеветать предъ Богомъ дѣло любви божественной, и тщетною славою человѣческою не удалить отъ славы Божіей поблдившаго его сіаю Божію. Остаюсь въ несомнѣнной увѣренности, что просьбу сію вы исполните безъ малѣйшаго упущенія и не допустите меня за нескромность мою подвергнуться запрещенію.

Вашъ слуга С. Шихматовъ.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, отъ 18 апрѣля 1830 года.

Пиша намъ увѣдомленіе о скоромъ принятіи монашества, ты долженъ былъ ощущать, какое вѣсть сія произведетъ въ насъ чувство, ибо вѣдаешь, что мы *отнюдь не желаемъ видѣть тебя монашествующимъ въ Юрьевомъ монастырѣ* по причинамъ, давно тебѣ сообщеннымъ и не одинъ разъ повторяемымъ. Зная сіе наше нежеланіе, какъ ты просишь нашего благословенія? Напротивъ, посылаемъ тебѣ наше неблагословеніе на сіе твое предпріятіе... неблагословеніе насъ, старшихъ твоихъ братьевъ и замѣняющихъ мѣсто родителей твоихъ. Вотъ

что говорить Законъ Божій: «дѣтей должность есть родителей своихъ любить и почитать и безъ ихъ приказанія ничего не начинать. Бъ сему отечеству принадлежать и большіе кровные, напр. родной дядя, тетка и братъ большой, и оныхъ должность и почести, которыя прямымъ родителямъ, хотя и не равною мѣрою, принадлежать». Знай, любезный другъ, что званіе сіе себѣ приемишь совершенно противъ нашего согласія, ты наносишь намъ обиду большую, какую только представить можно, больше чѣмъ кто-либо когда-либо намъ нанести могъ ударъ такой, какой производитъ великое несчастіе. Знай, что мы всѣми силами удерживаемъ тебя отъ Юрева монастыря. Буде же поступленіе твое совершится до полученія сего Уписыма, то все же еще остается тебѣ отвращеніе отъ насъ сего великаго удара намѣреніемъ выйти изъ сего монастыря и немедленнымъ исполненіемъ намѣренія сего. Ибо, повторяемъ еще, никакъ не желаемъ тебя видѣть въ числѣ братія сего монастыря, тогда какъ во всякомъ другомъ пребываніе твое сопровождаться будетъ не токмо благословеніемъ нашимъ, но и молитвами усердѣйшими. Размотри, что отъ тебя требуютъ братья, любящіе тебя больше, нежели кто-либо на свѣтѣ? Но скажутъ тебѣ: требованіе родителей, а не токмо братьевъ можетъ быть незаконно. Согласны, незаконное требованіе есть дѣйствительно такое, въ которомъ дозволено не внимать и родителямъ, т. е. причина, отвлекающая тебя отъ Бога или иное богопротивное, это есть едине обстоятельство, въ которомъ ты и безъ благословенія старѣйшихъ семейства можешь воспринять монашество. Спроси же своей совѣсти, достаточная ли наша причина тебя удерживаетъ? Причина сія не отъ Бога тебя отвлекаетъ, но отъ того исповѣданія, которое тебя отъ Бога отвлекаетъ, отъ исповѣданія не церковнаго, которое намъ извѣстно по собственному твоему признанію. Мы съ братомъ суть тѣ лица, которымъ допустилъ Господь имѣть къ тебѣ такую пламенную любовь, какъ будто собственно для того, чтобы указать тебѣ опасность, въ которую ты, подъ конецъ дней, ослабѣвающимъ умственнымъ способностямъ, сомнувъ очи, свергнуться стремишься. Ибо кому тебя остеречь кромѣ насъ? Ибо какихъ пособій въ семь случаѣ тебѣ ожидать отъ другихъ? Свѣтскіе твои друзья о тебѣ и думать забыли. Единомысленники твои духовные видятъ въ тебѣ сильнаго Геркулеса врагамъ ихъ, готовящагося возвеличить ихъ возносящуюся гордыню.

Друзья истинные у тебя есть, ты ихъ имѣлъ и имѣешь, могутъ и желаютъ тебѣ пособить, но лишены всѣхъ способовъ. Изъ сихъ послѣднихъ одинъ имѣется и въ нашихъ краяхъ, котораго ты невѣдомо обратилъ отъ міра къ Богу, который тебя за сіе первѣйшее ему благодареніе любить любовію истинною духовною христіанскою, хотя ты, можетъ быть, его вовсе не знаешь, и который также, какъ и мы, не желаетъ

твоего пребыванія въ Юрьевомъ монастырѣ, не желаетъ по причинамъ еще основательнѣйшимъ нашихъ, которыя онъ имѣлъ хорошій случай ослабдить и, судя по его набожности и христіанской жизни, безъ сомнѣнія, ослабдить подробно: ибо желаніе свое о невступленіи твоёмъ въ сей монастырь выражалъ еще сильнѣе нашихъ вышеписанныхъ. Уважемъ тебѣ сколько вреда по сіе время принесла тебѣ несчастная твоя система, сколько обнаруживается въ тебѣ такихъ странныхъ дѣйствій.

Прежде всего легковѣріе твое съ той поры простирается до того, что ты принимаешь за чудеса, за откровеніе собственно по однимъ словамъ сообщающаго оное, не давая ни мало дѣйствовать разсудку, который и не можетъ дѣйствовать тогда, когда низложенъ съ своего престола, приемишь за чудеса и то, что не имѣетъ въ себѣ слѣдовъ челоувѣческаго придуманнаго. Между прочими твоими непонятными намъ поступками нельзя умолчать и о семъ тоже немаловажномъ, что ты за всю нашу любовь не хочешь пожертвовать намъ, не оставляешь намѣренія поступить въ Юрьевъ монастырь, къ которому ты имѣешь склонность для пребыванія, ты не хочешь пожертвовать пребываніемъ въ одномъ монастырѣ вмѣсто другого, въ незначительномъ вмѣсто знатнаго, въ ближайшемъ къ намъ, вмѣсто отдаленнѣйшаго отъ насъ, въ бѣдномъ, вмѣсто богатаго. Вотъ тѣ изъ поступковъ твоихъ со времени твоего отъ насъ отчужденія, которые наиболѣе выдаются въ глаза, несообразныхъ вовсе съ прежними твоими правилами. Ты ихъ чаятельно не видишь. — Не забудь и сего слова Божія, ты, приступающій ближе прочихъ приносящихъ къ алтарю: аще принесеши даръ твой къ алтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой (Матѣ. V, 23—24). Ты приносишь такой даръ, котораго пріятіе для тебя великой важности, ибо приносишь самого себя, а между тѣмъ знаешь, что братья твои, сосредоточивающіе въ себѣ почти все твое семейство и занимающіе мѣста твоихъ родителей, имѣютъ на тебя не нѣчто маловажное, но причину тяжелую, полновѣсную, по которой тебя въ Юрьевъ монастырь вступить не благословляемъ, воспрещаемъ, причину, которая, въ теченіе двухъ лѣтъ осматриваемая, не уменьшилась въ своей тяжести. Вернешь ли ты такъ явно противъ Евангелія несомый, неблагословенный свой даръ? Ибо опять торжественно тебѣ повторяемъ по всѣмъ твоимъ мнѣніямъ и дѣламъ и словамъ отнюдь не видимъ мы званія Божія на твое вступленіе въ Юрьевъ монастырь.

Слѣдуетъ теперь сказать тебѣ слова два о твоей рукописи, т. е. о внезапномъ твоёмъ ее отъ насъ требованіи и всѣхъ съ нее списковъ. Сія статья твоего письма не мало насъ изумила. Ты прислалъ намъ тетрадь свою для сдѣланія насъ участниками въ прославленіи

имени Божія о чудѣ, въ монастырь вашемъ совершившемся, прислалъ безъ всякихъ оговорокъ хранить ее тайно и не позволять никому читать или списывать. Да и странное бы это было условіе; прославленіе имени Божія есть первѣйшая наша обязанность и главная цѣль нашего бытія. Что же это значить, что ты теперь подъ отвѣтомъ совѣсти требуешь немедленнаго нашего возвращенія не только сей твоей тетради, но и копій, буде имѣются списаны, даже копій другихъ съ нея списавшихъ требуешь, прося насъ всеусерднѣйше, чтобы доставить тебѣ оную безъ малѣйшаго упущенія? Недоумѣваемъ о такой внезапной перемѣнѣ, о такомъ странномъ прошеніи, чтобы то дѣло, то чудо, описаніе котораго ты нарочно прислалъ къ намъ, чтобы сдѣлать явленнымъ особенное благословеніе Божіе надъ мѣстомъ, гдѣ оно совершилось, то чудо повелѣваешь теперь скрыть прямо вопреки заповѣди Христовой—свѣтильникъ со свѣщникомъ ставить подъ одръ? Причина, которую ты приписываешь даваемому тобою противоположному направленію твоему первому намѣренію, вовсе насъ не удовлетворяетъ. *Если подлинно для того ты подъ кровать прячешь сію свѣчу, чтобы блескъ оной не возбудилъ тщеславіе въ совершителѣ*, если для сего единственно ты прибѣгаешь къ утаенію дѣлъ Божіихъ и требуешь немедленнаго возвращенія рукописи, то зачѣмъ тебѣ наша копія, *недостаточно ли для неподанія нищѣ тщеславію заказать намъ не распространять сіе списываніе и списанныя уже копіи хранить въ тайнѣ*, или по большей мѣрѣ истребить ихъ здѣсь. Нѣтъ, тебѣ непременно нужно, ты заклинаешь насъ, чтобы прислать къ тебѣ немедленно не токмо нашу копію, но и прочія и чужія. Какъ тебѣ пришло на умъ просить насъ о доставленіи тебѣ чужихъ копій? Какую мы можемъ имѣть власть надъ другими и надъ ихъ собственностію, которая для нихъ драгоценна? Сіе можетъ лишь управа благочинія. Такое странное порученіе твое намъ не можетъ не показывать намъ смущенный твой духъ. Если бы подлинно одно тщеславіе заставляло тебя принимать сію мѣру, то ты имѣлъ бы то одно попеченіе въ твоемъ отъ насъ требованіи, чтобы вообще не распространялась молва о семъ происшествіи, т. е. молва и словами передаваемая также, какъ и на письмѣ. Ты же не мало не запрещаешь передавать оное словами, а только заботишься объ однихъ спискахъ, заботишься даже гораздо чрезъ мѣру, ибо поручаешь намъ прислать тебѣ всѣ списки, т. е. сдѣлать то, чего мы сдѣлать не смѣемъ сами по себѣ. А если просьбою вздумалось бы намъ испрашивать у нихъ списки, то надлежало бы сказать имъ и то, что самъ ты, который прислалъ намъ тетрадь для прославленія вашего монастыря, теперь поспѣшно и подъ заклинаніемъ требуешь возвращенія не ее токмо, но и всѣхъ списковъ. Суди самъ, какое бы дѣйствіе произ-

вело надъ ними такое наше имъ объявленіе — необусловленіемъ ли послужилъ сей поступокъ твой вмѣсто прославленія? Что за противности такія въ твоихъ поступкахъ?

Описываемая въ тетради твоей тобою бѣснующая во всемъ такъ соответствуетъ тѣмъ кликушамъ, о которыхъ прежде частая была молва, а теперь изрѣдка случается слышать кое-гдѣ по монастырямъ. Увѣдомляю тебя, что всѣ приходскіе священники нѣсколько лѣтъ тому назадъ обязаны подпискою по синодскому предписанію каждое полугодіе доносить своему начальству, что въ приходахъ ихъ кликушъ и никакихъ иныхъ суевѣрствъ не имѣется, что и исполняется, какъ мнѣ извѣстно изъ рапорта, подаваемого во всякій вышечисанный срокъ благочинному нашимъ священникомъ.

Посылаемъ тебѣ теперь обратно сію твою тетрадь. Читали же сію твою рукопись только я и братъ, а списывать ее никто не списывалъ, а потому будь покоенъ; у насъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ея не остается.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 7 апрѣля 1830 г. Юрьевъ монастырь.

Христосъ воскрес!

Возлюбленнѣйшіе о Господѣ братья и друзья.

Говоря о себѣ, не знаю какъ возблагодарить безчисленныя Господа нашего ко мнѣ, ничтожному рабу Его, милости и благодѣянія въ малыхъ сихъ дняхъ совершившіяся, и всѣ запечатлѣнныя явственною печатію отеческаго Его о мнѣ грѣшномъ промысленія. Далъ мнѣ Господь желаніе сердца моего (Псал. XX, 3) и весь совѣтъ мой исполнилъ (Псал. XIX, 5), допустивъ меня до воспріятія ангельскаго образа, и великая моя заступница и покровительница, Царица небесная, въ день оный великій, иже есть спасенія нашего главизна, въ который ангелъ Божій благовѣстилъ Ей и всему міру радость велию, о совершеніи спасенія моего промышляя, вчинила меня въ ликъ ангеловъ земныхъ, и тѣмъ, воистинну, возрадовала сердце мое радостію, которая, надѣюсь на Бя всемогущее покровительство, не отыметса отъ меня. Новое имя наречено мнѣ грѣшному въ инокествѣ, имя животворящаго креста Господня, нареченное ему отъ боголюбивѣйшаго царя Ираклія греческаго, который силою непобѣдимую креста Господня побѣдилъ враговъ своихъ сильныхъ персовъ, плѣвившихъ оное честное древо, и сіе сокровище у нихъ отъялъ и паки возвратилъ христіанамъ, и своими царскими руками водрузилъ знаменіе нашего спасенія на Голгоѣ, на мѣстѣ, идѣ же самое спасеніе наше совершилось. (Прошу прочитатъ о семъ въ прологѣ 14

сентября о воздвиженіи честнаго креста Господня). Имя мое новое есть *Аникитъ*, по переводу съ греческаго—*непобѣдимый*. Да сподобитъ Господь силою крестною непобѣдимою быть мнѣ немощному непобѣдимымъ для міра плоти и діавола! Да помнитъ душа моя непрестанно, именемъ моимъ понуждаемая, обязанность иноческую нести безпрестанно въ терпѣніи крестъ скорбей и лишениі тѣснаго пути, ведущаго въ пространство жизни вѣчныя. За симъ первымъ даромъ всещедрата Господа, сподобился еще я, недостойнѣйшій, новыхъ и вѣщшихъ къ прославленію имени Его святаго. Сѣдѣй на херувимѣхъ на небеси и возсѣдѣй на жребіи безсловесное на земли и съ торжествомъ вшедѣй во святыи градъ, не возгнушался въ самый день празднованія сего вшествія, и во храмъ, въ которомъ празднованіе сіе есть храмовой праздниекъ, не возгнушался, но съ милостію неизреченною благоволилъ благодатію своею возсѣсть на жребіи словесное, нечистое по житію и строптивое по нраву, на грѣшнаго монаха Аникита и ввелъ го въ святая святыхъ, въ чинъ левитовъ. А въ великій четвертокъ, когда церковь святая учащаетъ воспѣвать тайную вечерю и празднуетъ ея установленіе, сподобилъ Господь, установитель оной, грѣшнаго монаха Аникита быть служителемъ и совершителемъ таинственной оной вечера, на ней же Онъ Самъ себя предлагаетъ вѣрнымъ въ снѣдъ душецѣлебную и питіе животворное. Облеченаго благодатію священства, грѣшнаго монаха Аникита, паки Господь облагодатствовалъ, ибо въ тотъ же день, по напѣтаніи трапезою безсмертія, посадилъ его въ число избранныхъ своихъ и сподобилъ принять омовеніе ногъ отъ священнѣйшихъ рукъ святителя Божія, дабы симъ таинственнымъ очищеніемъ истребить всѣ скверны мірскаго перваго житія и побудитъ его шествовать въ чистотѣ тѣла и души по немъ въ ликѣ, ангельскій образъ на себѣ носящихъ отшельцевъ отъ міра. Что воздамъ Господеву о всѣхъ, яже воздаде ми? Чашу спасенія прииму и имя Господне призову (Псал. СХV, 3—4). Всю сію седмицу отправляю и далѣе имѣю отправлять чреду богослуженія, со страхомъ и трепетомъ и удивленіемъ о милостяхъ, яже удиви Господь на мнѣ (Псал. XVI, 7), предстою страшному престолу, воспоминаю и до конца дней моихъ вспоминать не престану васъ, возлюбленные о Господѣ братья, въ сильныхъ моихъ молитвахъ... Прошу также посѣшить исполненіемъ покорнѣйшей моей просьбы о возвращеніи моей тетради съ переписками и выписками, буде сіи послѣднія были сдѣланы.—Предаю себя вашему братолюбію, и съ таковымъ же чувствованіемъ остаюсь усердный о Господѣ братъ вашъ и богомолецъ, грѣшный іеромонахъ Аникитъ.

Письмо іеромонаха Анникиты къ братьямъ, отъ 1-го іюня 1830 года.
Юрьевъ монастырь.

Миръ вамъ отъ Господа, возлюбленнѣйшіе о Господѣ братья. На письмо ваше хотя и могъ бы я отвѣчать поранѣе, но какъ я прежде полученія онаго писалъ къ вамъ о посѣтившей меня недостойнаго великой свыше благодати, то и поджидалъ отъ васъ слова привѣтнаго, а потому и не торопился отвѣтомъ. Но ждалъ и не бѣ; и потому молчаніе мое прерываю. Жалѣю крайне, но не для себя, а для васъ, что паки слова мои, яко лжа вмѣнялися предъ вами; и вы какъ бы подозрѣваете меня въ умыслѣ уловить васъ въ легковѣріи, по случаю неожиданнаго вами потребованія мною препровожденной прежде къ вамъ бумаги, въ ней же сила Божія прославляется. Желая, чтобы случай сей послужилъ вамъ доказательствомъ, что и при всей ревности къ истинѣ, ежели только духъ недовѣрчивости имѣеть въ сужденіи свое мѣсто, можно истину почестъ за ложь.—*Не обманулъ я васъ, братіе, ни словомъ: все написанное есть суцая правда, съ присовокупленіемъ тою, что нельзя всего описать, что происходило.* Неожиданному же потребованію причина есть та, что *описание истинное истиннаго происшествія послалъ я къ вамъ безъ благословенія настоятеля*; и когда онъ, по случаю, потребовалъ отъ меня сей бумаги и узналъ отъ меня, гдѣ она находится, то *сдѣлалъ мнѣ строгій за своеволюство мое выговоръ и требовалъ немедленнаго возвращенія какъ самой бумаги, такъ и выписокъ изъ оной и списковъ, буде были къмъ сдѣланы.* Жалѣю, братіе, что *чудо силы Божіей надъ силою вражіей причли вы къ нечестностямъ суевѣрія и истинно исцѣленную бѣснующуюся вмѣнили въ притворную кликушу.* Блюдитесь, да не огорчите Духа Божія, дѣйствіе силы Его явное отвергая или смѣшивая съ мнимыми чудесами, злоухищреніемъ производимыя и простоуміемъ разглашаемыя. Хотя слова мои для васъ и недостоверны, однакоже я долженъ вамъ сказать, что подобныя опыты силы Божіей въ облагодатствованномъ мужѣ надъ силою вражіею видѣлъ я у себя въ монастырѣ и послѣ сего не одинъ, и притомъ такіе, что если бы вамъ привелось быть зрителями оныхъ, то увѣряю васъ, что трепеть вошелъ бы въ ваши кости и вы увидѣли бы на дѣлѣ вѣру живую богоугодную, и вы смирили бы высокое свое мнѣніе о собственной вашей вѣрѣ, внушающей вамъ смѣлость судить и осуждать тѣхъ, иже Богъ явно дѣйствующею въ нихъ силою Своею (силою изгнанія бѣсовъ о имени Іисусовомъ, знаменіемъ вѣры истинной и Богу угодной) оправдываетъ. Простите меня, униженнѣйше прошу, ежели слово сіе покажется вамъ жестоко: свидѣтельство о истинѣ исторгло оное изъ устъ моихъ.

На послѣдній въ свитѣхъ вопросъ, яко не принадлежащій къ обличеніямъ, можно дать такой отвѣтъ, что положеніе справедливо, но не таково примѣненіе. Отецъ, предлагающій учрежденіе, есть не иной кто, какъ самъ Господь, который о довольствѣ трапезы печется самъ невидимо промысломъ своимъ отеческимъ, и видимо чрезъ отцевъ духовныхъ, святителей и священниковъ; прочіе, яко нищая чада, да вкушаютъ съ благодареніемъ предлагаемая, отнюдь не дерзая входить въ не принадлежащее имъ распоряженіе пиромъ Отца небеснаго, не призвавшаго ихъ въ таковое дѣланіе. По пріятіи мною недостойнѣйшимъ благодати священства, я сряду шесть недѣль, при помощи свыше, провелъ въ ежедневномъ литургисаніи и съ дерзновеніемъ упованія на милосердіе Божіе приступалъ къ совершенію безкровныя жертвы, не чувствуя ни самъ въ совѣсти своей ни малѣйшаго укора относительно православія, которое одушевляетъ мою душу, ниже отъ тѣхъ, иже вѣдаютъ свидѣнія Божія и имже отверста совѣсть моя, не смущаемый ни мало, но паче благословляемый: и благословеніемъ ихъ напутствуемый имѣлъ и имѣю ни съ чѣмъ несравненное благополучіе священнодѣйствованія божественныя тайны, со страхомъ благоговѣнія и съ радостію неизглаголанною, недомыслимою.

Письмо кн. Алексѣя и Павла къ о. Аникитѣ, отъ 9 іюня 1830 г.

Всѣ твои три письма мы получили. Послѣ перваго поджидали отвѣчать, доволѣ получимъ отвѣтъ твой на нашу тетрадь, которую не очень давно получили.

Поздравляемъ тебя, любезный братъ, съ принятіемъ сана монашескаго и священническаго и благодаримъ за воспоминаніе о насъ грѣшныхъ въ молитвахъ твоихъ при совершаемомъ тобою богослуженіи. Что до насъ, то и мы не оставляемъ попрежнему молиться о тебѣ съ тѣмъ усердіемъ, какое внушаетъ братская любовь, препятствіями къ единодушію съ твоей стороны лишь больше воспламеняемая. Любовь наша и ревность къ тебѣ подобна теперь *жару пещному*, накопившемуся отъ многихъ охапокъ сожженныхъ дровъ. Жару много, хотя отъ удручающихъ насъ немощей и болѣзней по уменьшаемой силѣ духа и ревность пламеннѣе, но огня едва ли не прибавилось...

**Письмо о. Аникиты къ братьямъ, отъ 15 сентября 1830 года
Юрьевъ монастырь.**

Миръ вамъ, возлюбленнѣйшіе о Господѣ братья и друзья. Настоятель мой богомудрый и боголюбивый, отечески и дружески ко мнѣ расположенный, радуется сердечно гостямъ моимъ ²⁶⁾ и спрашиваетъ у меня

и часто, когда ты посѣтишь меня, любезнѣйшій братъ князь Павелъ Александровичъ. Ибо онъ очень тебя помнитъ и съ любовью заводитъ нерѣдко слово о тебѣ со мною. Однажды за столомъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ о твоёмъ посѣщеніи и услышавъ отъ меня, что я не надѣюсь имѣть сего удовольствія по причинѣ болѣзненнаго твоего состоянія по тѣлу, онъ тутъ же за столомъ, движимый любовью къ тебѣ, написалъ къ тебѣ грамоту пригласительную, которую при семъ къ тебѣ препровождаю, прося тебя не оставить ее безъ отвѣта. *При семъ за нужное почитаю сообщить тебѣ примѣръ чудеснаго исцѣленія, почтеннѣйшимъ нашимъ отцомъ совершеннаго. Помянутый старецъ, богопросвѣщенный схимникъ, два года страдалъ ужаснѣйшею водяною болѣзнію, такъ что врачи, въ свои средства истощивъ, наконецъ объявили, что кончина его неминуемо послѣдуетъ вскорѣ при наступленіи осени. Тогда о. архимандритъ взялъ его въ свою келью, сталъ его самъ лечить врачествомъ данной ему благодати, и въ недѣлю умирающей ожилъ и выздоровѣлъ совершенно, такъ что вотъ уже теперь другой годъ пользуется полнымъ здоровьемъ. Опасаясь, что карандашъ можетъ стереться, я переписалъ грамоту чернилами а).*

а) Архимандритъ Фотій написалъ князю Павлу Александровичу слѣдующее краткое письмо и въ довольно своеобразной формѣ: «Павле, Павле, что ты страдаешь и не радиши пріѣхать во врачевницу святаго великомученика Георгія? Приди и исцѣлишися отъ недуга твоего, имже одержимъ живешь, якоже умираешь: Приди и воздвигнешь Господь тебя, и возрадуешься, и радости твоея никто же отъ тебя возьметъ. Спасайся, подвизайся и радуйся.

15-го августа, 1830 г.

Убогіи Фотій.

О. Фотій былъ знакомъ съ княземъ Павломъ Александровичемъ Ш.-Шихматовымъ еще въ то время, когда послѣдній жилъ въ Петербургѣ и состоялъ на службѣ при морскомъ корпусѣ. Это можно видѣть изъ слѣдующаго письма Фотія (издаваемаго съ подлинника), занимавшаго тогда должность законоучителя втораго кадетскаго корпуса, къ князю Павлу Александровичу.

Рабе истиннаго Бога, Христовъ учениче,
Любимиче святыхъ, брате Павле.
Радоватися тебѣ о Господѣ молитъ Фотій.

Христось твоя сила, Христось твоя мудрость, Христось твой Богъ и Господь, Христось твой свѣтъ, твоя истина, путь и животъ (Іоанна XIV, 6): убо воистинну реку паки тебѣ: радоватися: радоватися же о Христѣ Спасѣ нашемъ, радоватися духомъ, душею и плотію тако, да возрадуются всѣ кости твои и рекутъ: Христось моя сила, Богъ и Господь честная церковь! Радоватися о всемъ тебѣ глаголю, прошу и молю Создателя; и радоватися наконецъ и о томъ, что Христось

Письмо братьевъ къ о. Анникитѣ, отъ 26 августа 1830 года. Село
Архангельское.

Любезный братъ!

Мы отпустили тебя въ Новгородъ, для вступленія тамъ въ Юрьевъ монастырь, но отпустили по полученіи отъ тебя торжественнаго увѣренія въ твоемъ съ нами единомысліи. Сіе мнимое единомысліе твое съ нами

посредѣ насъ съ тобою есть и будетъ: не яно что глаголю, какъ и реку, какъ токмо радоватися о Господѣ, яко же вѣрую чему быти въ тебѣ, о томъ же и глаголю: и благословенъ буди, возлюбленне, свыше отъ Бога Отца и Сына Его Духомъ Святымъ. Благочестиваго ты корене всечестная отрасль былъ и желаешь быти, убо быти сему и азъ желаю помощію Вышняго. Часто поминаю твое боголюбіе, твое смиреніе, твою вѣру, твою любовь о Христѣ къ намъ и ко всѣмъ. Поминваю и благодать Божію на тебѣ. Блаженъ еси ты, рабе Божій, что вшелъ изъ многоятежнаго міра. — Блаженъ еси ты, что покой обрѣлъ Божій себѣ. Знаю, что ты самъ въ себѣ зришь и находишь, что тамо Богъ, гдѣ миръ, тишина, простота и любовь въ благословенныхъ простодюдинахъ царствуетъ. Весь смуть и плачь на нихъ особенно исходитъ изъ главы или изъ сердца Россіи, гдѣ всякъ быти мнить себя вѣчто. Богъ тебя избавилъ отъ всего суетнаго, радуюся. Съ тобою нынѣ миръ Божій и ты его лучше дѣломъ разумѣешь и вкушаешь, нежели что я могу тебѣ изречи и написать на сей хартии, ты такъ чувствуешь живо, дѣйственно, что я и помыслить не могу. Самъ Богъ тебѣ даетъ свыше вкушать и чрезъ мирную природу и чрезъ откровеніе Божіе, священное Писаніе, и чрезъ внутреннее чувство и чрезъ внутренніе очи, пути подвизанія и видѣнія. Вѣдаю, что среди благопріятнаго лѣта болѣе несказанно услаждаетъ тебя сельскій зефиръ, шорохъ кустарниковъ, колебаніе класовъ на нивахъ и гласъ птички коея-либо, полеть ласточки и взоръ на небосклонѣ среди лѣсовъ и полей, нежели нашихъ искусственныхъ аллей, ароматами отъ чадъ міра исполненныхъ иногда. Болѣе веліе и мягкая травка тебя услаждаетъ, нежели кресты и звѣзды вельможъ нашихъ и всѣхъ расширяющихъ воскресія рязь. Что у насъ ни есть новое мѣсто, суета и мудрованіе. Не хочу болѣе тебѣ о томъ и напоминать, что ты самъ живо чувствуешь, но пока реку духу твоему: радоватися!

Радоватися всему дому твоему и всѣмъ твоимъ приснымъ, вѣрнымъ, ибо вѣрую, что и всѣ твои, якоже и ты, отъ Бога поучены, благословенны.

Я за благо великое почитаю и писать къ тебѣ, ибо люблю тебя неслестнымъ сердцемъ, люблю, вѣдая, что ты сынъ церкви святой, защитникъ, любимецъ, Христовъ подражатель, зерно пшеницы Христовой, свѣтъ отъ свѣта Христова и той крупини соли, кая міръ высмердѣвшійся осоляетъ и цѣлить, и если обугаетъ уже и она, увы, горе землѣ.

отвратило наше вниманіе отъ всѣхъ тѣхъ причинъ, по которымъ мы сильно упирались противъ вступленія твоего въ сей монастырь во все время нашего здѣсь несогласія въ вѣрѣ. Ибо, при всѣхъ сомнѣніяхъ нашихъ о непрочности примирительнаго нашего акта, надежда на твою искренность брала верхъ. Послѣдствіе показало, что не слѣдовало бы намъ такъ скоро склоняться по одному твоему слову — по слову отъ тебя, такъ предубѣжденнаго, что запертымъ совершенно былъ слухъ твой всѣмъ нашимъ доводамъ и свидѣтельствамъ церковнымъ, тебѣ указуемымъ. Въ семъ же состояла главная наша оплошность. Намъ надлежало бы, вмѣсто одного требованія отъ тебя, — вмѣсто одного ближайшаго съ нами единомыслія, на которое ты, повидимому, согласился, присоединить къ оному и другое—неизбраніе тобою Юрьева монастыря ни подъ какимъ видомъ. Но мы такъ обрадовались первому, что почти забыли думать о послѣднемъ: а чрезъ то и упустили изъ рукъ всю нашу надъ тобою власть. Поздно проникли мы, что ты лишь для того, пови-

Подвизайся, ревнуй, гради духовный служителю, священниче, по апостолу: вы есте родъ избранъ, царское священіе (1 Петр. II, 9). Блаженно буди чрево тебя носившее и блаженны сосцы воспитавшія тебя: ты бо любишь Христа. Я уже не могу напоминать тебѣ о смиреніи, коего ты уже рожденіе, и вѣрую, что ты наче смиришися, не жеди вознесешися. Подвизайся: благо есть въ клѣти сердца молиться и въ клѣти крова. Безъ клѣти въ кровѣ молиться кто мнить внутри въ себѣ, въ клѣти, тожѣ что рыбу мнить ловити безъ бредника, невода и сѣти, и птицы хочеть удержатъ на полѣ и въ покоѣ въ одномъ мѣстѣ безъ клѣтки.

Всѣ святіи имѣли клѣты молитвы ради, весьма малую, что же и пишется въ житіяхъ ихъ: иные въ длину аршина два съ половиною, а въ ширину въ аршинъ и съ половиною, и что вяще ино къ тому рещи, самому тебѣ уже речеть духъ; иже чететь, да разумѣеть. Когда плоть бываетъ въ клѣти и духъ и душа въ клѣти, то есть внутренно духомъ и истинною молиться. Кто имѣеть внѣшнюю и внутреннюю купно у себя клѣты, тотъ вѣдаетъ, что истинно есть и духъ и животъ Христовы о клѣти слова для молитвы: убо егда молишися, и духъ и Христосъ и мы глаголемъ: вниди въ клѣты твою и помолися Отцу твоему въ тайнѣ (Мк. VI, 6). Знаю, что ты ревнуешь бдѣть и молиться, благо есть, когда то словомъ и мыслию и духомъ и дѣломъ бываетъ: то есть молитва и поклоненіе духомъ и истинною (Іоанн. IV), — чему мѣсто въ мирѣ—на селѣ, а не у насъ въ шумѣ, въ столицѣ, гдѣ живу азъ, грѣшный рабъ твой осуетился до конца. Господи! прежде даже до конца не погибну, спаси мя. Ими же вѣси судьбами спаси мя.

Наконецъ, и привѣтствовавъ твое сіятельство и побесѣдовавъ нѣчто и пожелавъ и помянувъ маніемъ духа, молю, да Христосъ Господь тебѣ да поможетъ съ возлюбленнымъ твоимъ братомъ по плоти и по

димому, склонялся на первое, чтобы получить послѣднее, поздно—ибо хотя доводы наши, которые, повидимому, склонили тебя здѣсь присоединиться къ нашимъ мнѣніямъ, были потомъ мною усилены, однакоже не въ состояніи были удержать тебя отъ нарушенія того договора, который ты здѣсь торжественно утвердилъ твоимъ согласіемъ.

Главная цѣль твоя въ сношеніяхъ твоихъ съ нами по дѣлу твоего отъ насъ устраненія въ томъ и состояла, какъ теперь явствуетъ, чтобы имѣть невозбраннѣе отъ насъ вступленіе твое въ Юрьевъ монастырь. Для сего ты, какъ бы возбраняя намъ всякое къ тому противорѣчіе, на первомъ шагѣ представилъ откровенную волю Божію. Откровенія сего не могли мы принять слѣпо, какъ ты того, можетъ быть, желалъ, и какъ ты самъ оно принялъ отъ другихъ. Ибо св. Писаніе предписываетъ не иначе принимать Откровенія, какъ съ испытаніемъ. Оно было нами рассмотрѣно и оказалось, по нѣсколькимъ существеннымъ причинамъ, не подходящимъ къ такому изъявленію воли Божіей, которое разумъ и вѣра принимаютъ невозбранно. Достаточно будетъ упомянуть здѣсь о двухъ. Первая — извѣщательное тебѣ о семъ откровеніи письмо имѣло на себѣ семь печатей, подражательно апокалипсическимъ, тогда какъ о семъ подражаніи въ Откровеніи никакого особеннаго повелѣнія Божія не видать—повелѣнія, необходимо - нужнаго быть тебѣ сообщеннымъ, если оно послѣдовало отъ Бога, чтобы не принять тебѣ такое подражаніе самовольнымъ и имъ не соблазниться. Сверхъ того, и самая печать, употребленная здѣсь, не можетъ не подавать сомнѣнія,

духу, со всею братією, друзьями, родными, знаемыми и незнаемыми, но вѣрными о Христѣ Спасѣ въ единомъ духѣ, въ цѣлости и совершенствѣ. Особенно поблагодари и поцѣлуй и главу и очи и уста и руки братцу Сергію Александровичу. Рабъ онъ Божій меня зѣло не оставляетъ своею любовію. Христось съ нимъ есть и будетъ.

Да спасется же и весь вашъ домъ, ваши рабы и рабыни, старцы и юноши, дѣвы и жены и все ваше да спасено будетъ Христомъ Богомъ во вѣки. Аминь.

Сіятельства твоего и боголюбія слуга и доброжелатель есмь азъ недостойный и убогій служитель Христовъ Фотій.

Спасайся о Христѣ и прости мя, брате мой и господине Павле, рабе Божій, въ чемъ азъ, недостойный, согрѣшилъ.

Съ миромъ буди и спасайся!

И все люди Божіи вѣрные православные христіане молю, спасайтесь.

Ваше есть царствіе Божіе! Аминь.

1820 года. Генваря 16 дня.

2 Кадетскаго корпуса законоучитель и настоятель соборный іеромонахъ Фотій.

ибо печать сія съ англійскимъ девизомъ, хотя и духовнымъ, но употребляемымъ между протестантами, противъ которыхъ угадываемый тобою писатель письма (архимандритъ Фотій) ополчается много паче сверстникъ своихъ. Слѣдовательно, таковая печать ни у него, а тѣмъ менѣе у кого другого въ монастырѣ, найтись никакъ не могла, и безъ сомнѣнія доставлена ему отъ посторонняго лица, въ языкѣ англійскомъ свѣдущаго и писателю надпись на печати объяснивашаго. Итакъ, не ясно ли, что печать сія показываетъ въ дѣлѣ семъ нѣкоторое предварительное совѣщаніе, откровенію никакого мѣста не допускающее. Вторая причина, возбраняющая давать вѣру такому откровенію, есть та, что ты, по собственному твоему признанію, сіе время, когда откровеніе сіе о тебѣ послѣдовало, погрѣшительно умствовалъ о важныхъ истинахъ вѣры, которую погрѣшительность ты призналъ и отвергъ примирительнымъ актомъ, уже въ бытность твою здѣсь, т. е. гораздо послѣ полученія тобою вышеписаннаго письма. Сихъ вѣсскихъ причинъ, безъ сомнѣнія, достаточно было намъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ никогда не согласиться на вступленіе твое въ сей монастырь. Но мы не такъ поступили, частію по необращенію тогда должнаго вниманія на сіе обстоятельство, которое было сильнѣйшимъ орудіемъ, *тобою самимъ* противъ *тебя самого* намъ вручаемое: частію, по желанію сохранить миръ и согласіе, которыхъ чаемое водвореніе такъ насъ обрадовало, что мы въ упоеніи радости дозволили нѣкоторую ослабу нашей бдительности, по которой ты и ускользнулъ изъ нашихъ рукъ. Если бы *слѣпо* приняли сіе выдаваемое откровеніе, то что бы изъ того послѣдовало? Мы бы вовсе не дерзнули удерживать тебя отъ твоего предпріятія, но это не все: очень вѣроятно, что мы согласились бы съ тобой и въ тѣхъ мнѣніяхъ твоихъ нецерковныхъ, которыхъ ты самъ потомъ нашелся принужденнымъ отрещись. Кто не видитъ, что съ паденіемъ, съ опроверженіемъ сихъ твоихъ мнѣній, падало и самое откровеніе? Кто не видитъ тебя въ минуту признанія твоего неправаго мнѣнія предъ нами (нарочно вызванными тобою въ нашъ залъ), низлагающаго обѣими руками и всю ту систему, которую ты нѣсколько лѣтъ сооружалъ, по указамъ отвлекшихъ тебя отъ насъ твоихъ единомышленниковъ? Кто бы могъ подумать, что зданіе сіе опять изъ развалинъ своихъ вырастетъ, по отправленіи твоёмъ отселѣ, и опять тѣ же мнѣнія засядутъ въ немъ, которыя вовсе не сильны были защищать оное противъ положительныхъ доводовъ нашихъ? Но вотъ сіе видимъ на самомъ дѣлѣ, и ты уже сильно и не обинуясь показываешь, что первоначальное предубѣжденіе твое положено было въ тебѣ съ такою силою, что (не токмо наши доводы, но) и самояснѣйшія очевидности не въ состояніи бы были поколебать оное.

Время также бросить взоръ на твою тетрадь (*тобою, кажется,*

писанную), заключающую въ себѣ *описаніе отчитыванія нѣкоторыхъ крестьянъ*. Посредѣ вышеписанныхъ жаркихъ нашихъ тебѣ представлений какъ о неосновательности мы болѣе и болѣе тебѣ раскрывали, такъ и о неблагонамѣренномъ отвлеченіи твоёмъ насъ съ прямого пути постороннему дѣлу обстоятельствами: получаемъ мы сію тетрадь, описывающую такія событія въ вашемъ монастырѣ, какія и изъ многихъ монастырей слышать случается, какія и во многихъ городскихъ церквахъ нерѣдко происходили, доколѣ святѣйшій Синодъ не почелъ за нужное лишить убѣжища по городамъ такъ называемыхъ кликушъ. Съ нашей стороны, мы приняли сіе описаніе твое точно также, какъ слушали твое изустное повѣствованіе о подобномъ происшествіи, видѣнномъ тобою въ одномъ изъ монастырей калужской епархіи. Но ты, какъ догадываемся, для того собственно послалъ намъ свою тетрадь, чтобы однимъ симъ ударомъ низложить всѣ наши доводы о твоей неправости, какъ бы говоря такъ: смотрите, можетъ ли быть что неправое тамъ, гдѣ такія великія дѣла совершаются? Мы хотя приняли сіе твое намѣреніе, но не распространялись о немъ, чтобы не прервать нить нашихъ сношеній, которыя въ послѣдующихъ письмахъ попрежнему потомъ и продолжали, забывъ о тетради твоей, дожидавшейся быть обратно отправленной съ приготавливаемымъ мною тебѣ посланіемъ. Вдругъ, вовсе нечаянно, получаемъ мы отъ тебя письмо, въ которомъ ты наубѣдительнѣйше просишь насъ, ни мало не медля, выслать къ тебѣ твою тетрадь, и не одну ее, но и со всѣми копіями, которыя мы, или кто другой, могли съ нее списать. Такое неожиданное, такое *опасливое* твое востребованіе тетради со всѣми списками, которыхъ ты отнюдь не воспрещалъ намъ списывать, — да и какое вѣроятіе могли мы имѣть къ происшествію, съ такой тайностію сообщаемому. — *весьма меня удивило и заставило нѣсколько побезпокоиться, не нажилъ ли ты себѣ какихъ хлопотъ, ввязавшись въ такое дѣло, о которомъ имѣлось запрещеніе отъ начальства.* Я не могъ не замѣтить тебѣ далѣе, какую слабую и ненадежную ты избралъ подпору твоему дѣлу; такъ ненадежную, что самъ принужденнымъ нашелся отнять ее своими руками. Случилось такъ, что ни мы, ни посторонній кто тетради твоей не списывали, а потому какъ получили, такъ и выслали ее тебѣ обратно. Если полагать, что ты симъ способомъ хотѣлъ устрашить насъ въ допущеніи твоихъ мнѣній, то неудачно послужило тебѣ сіе орудіе. Да и самая та причина, которой ты приписываешь нечаянное твое тетради востребованіе, для насъ вовсе неудовлетворительна. Не понимаемъ, какое могло быть твое преступленіе посланіемъ намъ сей тетради, которая, повидимому, была написана и начисто переписана съ тѣмъ собственно, чтобы давать ее читать виѣшнимъ. Да и какое стран-

ное (болѣе страхъ нежели благоразуміе показывающее) требованіе твое и самихъ копій! Утаиваешь то, что сперва старался сдѣлать явнымъ: не есть ли это навязанное съ одной стороны распускать съ другой? Утаивать до того, что и копій не оставлять, — ниже довольствоваться истребленіемъ копій сихъ на мѣстѣ, а домогаться получить ихъ въ руки! Да и возможное ли было дѣло исполнить твою просьбу, если бы мы, принявъ все съ твоего слова, раздали такіе списки? Намъ могли бы ихъ и не возвратить: ибо вправдѣ были мы давать списывать, или не давать, но ни въ какомъ правѣ списаннаго требовать. Притомъ же, не подали ли бы мы востребованіемъ копій сихъ какого соблазна самымъ тѣмъ лицамъ, которымъ мы сіе разгласили? Не видишь ли, что необдуманно было такое твое и самихъ списковъ востребованіе: соблазнъ этотъ былъ бы такъ великъ *противъ* вашего монастыря, что маловажная причина недостаточна рѣшить тебя его произвести, а тѣмъ менѣе та, которую ты упоминаешь. Но довольно о семъ. Дѣло это стороннее нашему съ тобою разномыслію. Здѣсь у мѣста было воснуться онаго, для указанія тебѣ, какъ неудачны твои противъ насъ *прямая* дѣйствія и какъ еще неудачнѣе *косвенныя*. Надобно однако же замѣтить тебѣ еще по сему дѣлу, что евангельское церковно-учебныхъ книгъ ученіе стоять и устоять само собой. Такъ твердо оно утверждено всѣмъ множествомъ чудесъ, во всѣхъ народахъ и всѣхъ вѣкахъ, что нѣтъ нужды намъ искать опоры оному въ новыхъ чудесахъ. Противное же сему, или въ чемъ важномъ несообразное ученіе, не можетъ стоять, при всемъ множествѣ подпоръ и отъ самихъ чудесъ, которыя при такомъ ученіи послѣ того, что читаемъ въ евангеліи о чудесахъ, имѣющихъ быть въ послѣднее время, не могутъ и не должны останавливать вниманіе наше, какъ бы очевидны онѣ не казались.

Теперь отлагаю перо обличителя и облакаюсь въ смиренную одежду послѣдняго грѣшника. Останавливаю голосъ мой громкій, а по временамъ и колкій. Прости неумѣстной моей колкости и грубости за дѣльную и умѣстную ревность. Я часто испытываю, часто повѣряю себя въ моемъ къ тебѣ расположеніи, опасаясь, не простирается ли неблаговоленіе мое къ мнѣніямъ твоимъ и на самого тебя. Но слава Господу, милующему меня испытаніе сіе, кажется, *паче другихъ* примиряетъ меня съ моею совѣстію.

Иеромонахъ Аникита, вмѣсто отвѣта на письмо братьевъ, отъ 26 августа 1830 года, сдѣлалъ только краткую надпись на самомъ ихъ письмѣ и отправилъ его обратно.

Надпись была слѣдующая: „Суди ми, Господи, яко азъ не злобою моею ходихъ: и на Господа уповая не изнемогу“ (исал. XXV, 1). Скитъ Юрьева монастыря. 30 сентября 1830 года.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ГЛАВА V.

1) Новгородскій Юрьевъ монастырь основанъ въ 1030 году великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ I, нареченнымъ въ крещеніи Георгіемъ (или Юріемъ), который построилъ монастырь въ честь своего ангела св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Описание новгородскаго Юрьева монастыря, архимандрита Макарія. С. П. Б. 1862 г. изд. 2, стр. 1—2.

2) Чудотворная икона Тихвинской Божіей матери, находившаяся въ Тихвинскомъ Успенскомъ первоклассномъ монастырѣ, въ 1888 году была перенесена въ городъ Старую Руссу.

3) Юрьевъ монастырь находится на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, при устьѣ ручья Княжева, съ западной и сѣверной стороны обтекающаго монастырь и впадающаго въ Волховъ, близъ озера Мячина. Макарій. Историческое описание Юрьева монастыря.

4) Это былъ преосвященный Викторъ (Онисимовъ), епископъ владимірскій и суздальскій. До своего архіерейства, именно съ 1775 года по 1782 годъ, онъ занималъ должность настоятеля Юрьева монастыря, отсюда онъ былъ хиротонисованъ въ епископа олонецкаго, викарія новгородскаго, а съ 1783 г. по 1800 годъ состоялъ епископомъ владимірскимъ; 24 февраля 1800 г. удалился на покой въ Юрьевъ монастырь, гдѣ и умеръ 29 марта 1817 года и погребенъ въ паперти соборной Георгіевской церкви. Макарій. Историческое описание Юрьева монастыря, 121—122 стр. Строевъ, Списки іерарховъ, 659.

5) Викаріемъ новгородскимъ, епископомъ старорусскимъ былъ въ то время преосвящ. Игнатій (Семеновъ), 22 мая 1828 года переведенный въ епископа олонецкаго, съ 1842 года архіепископъ донской, съ 1847 года воронежскій; умеръ въ С.-Петербургѣ 20 января 1850 года. Строевъ. 839. 991. 1015.

6) Въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ почитаютъ открыто св. мощи: 1) св. Никиты, еп. новгородскаго († 30 янв. 1108 года; мощи обрѣтены въ 1558 году, находятся въ придѣлѣ св. богоотецъ Іоакима и Анны. Описание новгород. Соф. собора, протоіерея П. Соловьева, Спб. 1858 г. 99 стр.), 2) св. Іліи, въ схимѣ Іоанна, архіепископа новгородскаго († 7 сент. 1186 года, мощи обрѣтены въ 1493 году) и 3) брата его св. архіепископа новгородскаго Григорія († 24 мая 1193 года; мощи св. Іліи и Григорія находятся въ придѣлѣ усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя. Соловьевъ. Историческое описание Соф. собора, 101—102), 4) св. благовѣрнаго князя новгородскаго Владиміра Ярославича, строителя Софійскаго собора, и 5) матери его св. благовѣрной княгини Анны (мощи св. Владиміра и Анны сначала поставлены были въ Корсунской паперти, но въ 1652 году перенесены были въ самый соборъ и въ настоящее время находятся въ южной сторонѣ собора подъ арками. Соловьевъ, 104) и 6) св. благовѣрнаго князя Феодора, брата св. князя Александра Невскаго (Соловьевъ. Историч. описание Соф. собора, 104).

7) Подъ спудомъ въ новгород. Софійскомъ соборѣ находятся мощи св. Иоакима корсунянина, перваго епископа новгородскаго († 1030 г.), св. Луки Жидаты, еп. новгородскаго († 1059 г.), св. Аркадія, еп. новгородскаго († 19 сент. 1163 года. Соловьевъ. Описание Соф. собора, 104).

8) Чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы принадлежитъ къ числу самыхъ уважаемыхъ святынь въ Новгородѣ. Съ этою свят. иконою соединено воспоминаніе о чудесномъ спасеніи Новгорода отъ нападенія многочисленнаго войска суздальскаго князя Андрея боголюбскаго, бывшемъ въ 1170 году. До половины XIV вѣка икона Знаменія Божіей Матери находилась въ Спасопреображенской церкви, на Ильинской улицѣ. Во второй половинѣ XIV вѣка для чудотворной иконы Знаменія Пресв. Богородицы въ Новгородѣ построенъ былъ особый храмъ, который доселѣ называется соборомъ Знаменія Богородицы. Дебольскій. Дни Богослуженія прав. церкви. Спб. 1882 года. Изд. 7. 169—171 стр.

9) Князь Василій Александровичъ Ш.-Шихматовъ жилъ въ своемъ имѣніи въ селѣ Пахомовѣ, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Онъ скоропостижно скончался въ своемъ имѣніи въ 1834 году. Записки объ усопшихъ родственникахъ кн. Ш.-Шихматовыхъ.

10) Село Архангельское находится недалеко отъ своего уѣзднаго города Можайска, а у самаго Можайска расположенъ Лужецкій Рождества Богородицы второклассный монастырь, основанный св. Ѳерапентомъ бѣлозерскимъ въ 1408 году. Лужецкій монастырь самый ближайшій къ селу Архангельскому, и братья князья Алексѣй и Павелъ Александровичи Ш.-Шихматовы, по отзывамъ ихъ родственниковъ, любили и часто посѣщали этотъ монастырь. Архимандритомъ Лужецкаго монастыря въ разсматриваемое время (съ 14 ноября 1824 г. до 14 января 1829 года) былъ *Іоаннъ* Добровраковъ, переведенный отсюда въ Пивскій Богоявленскій монастырь, а въ 1830 году хиротонисованный во епископа пензенскаго, съ 1835 года еп. нижегородскій, съ 1847 года архіеп. донской, въ 1867 году архіеп. Іоаннъ уволенъ былъ на покой въ Кременецкую пустынь. Строевъ: 181, 607, 1015.

11). Преосвященный Серафимъ (Глаголевскій), митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, первенствующій членъ св. Синода, умершій 17 января 1843 года. Строевъ. Списки іерарховъ, 38.

12) Съ давнихъ временъ архимандриты Юрьева монастыря имѣютъ слѣдующія отличія при богослуженіи, принадлежація собственно къ особенностямъ архіерейскаго священнослуженія: они служатъ на коврѣ (орлецѣ) съ осѣняльными свѣчами и рипидами, съ возглашеніемъ къ народу: «приври съ небесе, Боже, и виждь» и пр. Настоятель Юрьева монастыря имѣетъ по нынѣ особенный чиновникъ божественнаго служенія. Онъ напечатанъ въ историческомъ описаніи Юрьева монастыря, о. Макарія, 88—96 стр.

Общежитіе въ Юрьевѣ монастырѣ введено было по ходатайству архимандрита Фотія въ 1827 году. Самъ о. Фотій составилъ общежительный уставъ для Юрьева монастыря, который въ первый разъ напечатанъ былъ въ 1830 году. Согласно съ требованіями этого устава, въ Юрьевѣ монастырѣ, кромѣ единообразія въ пищѣ, одеждѣ и принадлежностяхъ келейныхъ для всей братіи, соблюдаются нѣкоторыя

особенныя священныя учрежденія: 1) употребленіе древняго столпового пѣнія при всякомъ богослуженіи; 2) чинъ павагіи, каждодневно соблюдаемый въ братской трапезѣ; 3) всендневное, кромѣ праздниковъ, общее для всей братіи правило съ поклонами, совершаемое въ церковной паперти; 4) въ каждыя пятокъ и субботу, кромѣ случающихся въ сіи дни праздниковъ, соборныя панихиды; 5) въ пятокъ каждой седмицы на вечерни чтеніе акафиста Божіей Матери; 6) неумолжаемое чтеніе псалтири въ монастырѣ во всю первую седмицу св. сорокадесятиницы; 7) во всѣ воскресенья великаго поста на вечерняхъ прощаніе настоятеля съ братією и братіи между собою взаимно по скитскому обычаю; 8) въ четвергъ страстной седмицы совершеніе елеосвященія и помазаніе сею святынею братіи и богомольцевъ; 9) радаваніе въ монастырѣ серебряныхъ и мѣдныхъ крестиковъ всѣмъ богомольцамъ въ праздникъ Воздвиженія, и др. Макарій. Историческое описаніе Юрьева монастыря, 98—99 стр.

¹⁸⁾ Скитъ Юрьева монастыря находится въ четырехъ верстахъ отъ Новгорода и въ одной верстѣ отъ Юрьева монастыря, на берегу озера Ильменя, при истоки изъ него р. Волхова, на возвышенномъ холмѣ. На этомъ самомъ мѣстѣ, окружаемомъ въ весеннее время водою, въ языческія времена Новгорода стоялъ славянской идолъ Перунъ, по принятіи христіанства новгородцами низвергнутый ими въ Волховъ, и на его мѣсто поставлена церковь въ память Рождества Пресвятыя Богородицы, при первомъ новгородскомъ епископѣ Іоакимѣ курсунянинѣ. При этой церкви былъ устроенъ монастырь, называемый «Перынь Богородицы». Дальнѣйшая судьба Перыньскаго монастыря мало извѣстна. Извѣстно только то, что онъ неоднократно подвергался пожарамъ, опустошеніямъ при нашествіи враговъ. Въ XVII вѣкѣ Перыньскій монастырь находился уже въ большомъ запустѣніи и былъ приписанъ къ Юрьеву монастырю. При учрежденіи монастырскихъ штатовъ въ 1764 году Перыньскій монастырь былъ упраздненъ и обращенъ въ приходскую церковь Юрьевской слободы. Въ 1826 году, по просьбѣ Юрьевскаго архимандрита Фотія, Перыньская церковь приписана была по прежнему къ Юрьеву монастырю, возобновлена безъ измѣненія древней простой архитектуры и 10 ноября 1828 года вновь освящена. При ней основанъ скитъ, въ которомъ, по уставу древнихъ палестинскихъ скитовъ, ежедневно совершаются утренняя, часы и вечерня, неумолчно читается псалтирь съ поминованіемъ усопшихъ, а литургія совершается только по субботамъ, воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Въ скиту пища всегда во весь годъ бываетъ постная, даже молочная и рыбная пища никогда не разрѣшается къ употребленію. Входъ въ скитъ женскому полу запрещенъ, за исключеніемъ одного дня въ году — храмоваго праздника. Князь Сергій Александровичъ III.-Шихматовъ, по принятіи монашества, былъ первымъ скитоначальникомъ Перыньскаго скита.

Въ скиту, окруженномъ со всѣхъ сторонъ стѣною, зданія состоятъ, кромѣ церкви, изъ каменныхъ келій для пріѣзда юрьевскаго архимандрита, изъ настоятельскихъ келій и братскихъ келій съ трапезою. Около скита со всѣхъ четырехъ сторонъ насажена аллеями роца изъ дикаго лѣса. Роца насажена архимандритомъ Фотіемъ и скитона-

чальникомъ о. Аникитою. Макаріи. Историческое описаніе Юрьева мн. настыря. 38—41, 43, 100 стр.

¹⁴⁾ Филаретъ (Амфитеатровъ), архіепископъ казанскій (1828—1836 г.), съ 1836 года архіепископъ ярославскій, съ 1837 года митрополитъ кіевскій; умеръ 21 декабря 1857 года, принявши схиму и имя Феодосія. Строевъ. Списки іерарховъ, 290. 9. Обстоятельный очеркъ благочестивой жизни высокопреосвященнаго Филарета можно читать въ сочиненіи архимандрита Сергія: митрополитъ кіевскій Филаретъ Амфитеатровъ, въ схимѣ Феодосій, и его время; два большіе тома.

¹⁵⁾ Князь Владиміръ Александровичъ Ш.-Шихматовъ жилъ въ своемъ имѣніи, въ Тихвинскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Онъ женился въ молодыхъ лѣтахъ и имѣлъ многочисленное семейство. Онъ умеръ 7 мая 1860 года, 70 лѣтъ, и погребенъ въ Антоніевомъ Дымскомъ монастырѣ, находившемся въ 38 верстахъ отъ его усадьбы. Записки объ усопшихъ родственникахъ князей Ш.-Шихматовыхъ.

¹⁶⁾ Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о борьбѣ архимандрита Фотія противъ мистицизма и главнаго его защитника министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына. При содѣйствіи графа Аракчеева и графини Орловой, Фотій получилъ доступъ къ императору Александру I и раскрылъ ему вредныя для православной церкви дѣйствія министра духовныхъ дѣлъ. По настойчивому убѣжденію архимандрита Фотія митрополитъ Серафимъ явился въ императору Александру Павловичу не въ урочное время и изложилъ ему также вредный для церкви образъ дѣйствій князя Голицына. Участъ князя Голицына была рѣшена. Скоро появился Высочайшій указъ объ увольненіи Голицына отъ должности министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и самое министерство духовныхъ дѣлъ было уничтожено. Исторія паденія князя Голицына и участія въ немъ архимандрита Фотія подробно изложена въ автобіографіи Фотія (книга III) и въ статьѣ А. Пыпина о Россійскомъ библейскомъ обществѣ, напечат. въ Вѣстникѣ Европы за 1868 годъ августъ—ноябрь.

¹⁷⁾ Это былъ приходскій священникъ с. Архангельскаго о. Матѣей, къ которому всѣ князья Ширинскіе-Шихматовы относились съ глубокимъ уваженіемъ, высоко цѣнили его благочестіе и смиреніе. О. Матѣей былъ какъ бы членомъ княжеской семьи. Князья Шихматовы оказывали всегда большую матеріальную поддержку своему приходскому священнику, безвозмездно обучали у себя въ школѣ всѣхъ его дѣтей, а затѣмъ содержали на свой счетъ, когда они обучались въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ смерти о. Матѣея князья Шихматовы позаботились объ устройствѣ оставшихся послѣ него сиротъ.

¹⁸⁾ Архимандритъ Фотій украсилъ свой монастырь разведеніемъ въ немъ нѣсколькихъ садовъ: таковъ садъ настоятельскій съ кедровыми, каштановыми и др. деревьями, садъ братскій—на сѣверной сторонѣ монастыря, большая роща внѣ монастыря съ западной его стороны, вишневый садъ также внѣ монастыря, на его южной сторонѣ, близъ ограды къ р. Волхову и озеру Ильменю, и роща на восточной сторонѣ монастыря. Историческое описаніе Юрьева монастыря о. Макарія, 36—37.

¹⁹⁾ Князь Сергій, какъ образованный человѣкъ, оказался очень полезнымъ для о. Фотія, который сдѣлалъ его своимъ секретаремъ.

Фотій писалъ очень много и онъ нуждался не въ одномъ переписчикѣ. Такъ онъ написалъ собственную автобіографію, обширный трудъ въ трехъ частяхъ, житіе Иннокентія, епископа пензенскаго, огласительное богословіе (уроки по Закону Божию во II кадетскомъ корпусѣ), историческое описаніе Юрьева монастыря, множество книгъ и тетрадей съ посланіями, письмами, документами, касающимися борьбы его съ мистицизмомъ. — Въ 1850-хъ годахъ въ библиотекѣ Юрьева монастыря насчитывалось 24 книги сочиненій Фотія, часть которыхъ очевидно переписывалась трудами князя Сергія Александровича. Историческое описаніе Юрьева монастыря, о. Макарія, 72 стр.

²⁰⁾ Министръ народнаго просвѣщенія, извѣстный покровитель князя Сергія Александровича, Александръ Семеновичъ *Шшиковъ*, получившій министерство послѣ князя А. Н. Голицына въ 1824 году.

²¹⁾ Князь Прохоръ Александровичъ Ш.-Шихматовъ былъ самымъ младшимъ изъ братьевъ, онъ остался послѣ смерти отца полугоднымъ сиротою, учился въ московскомъ университетѣ, нѣсколько лѣтъ состоялъ на государственной службѣ, находясь въ канцеляріи попечителя московскаго округа, затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи въ селѣ Дерновѣ, гдѣ и умеръ въ 1864 году. Памятная записка объ усопшихъ родственникахъ. Князь Прохоръ имѣлъ многочисленное семейство.

²²⁾ Князь Сергій Александровичъ не могъ испросить у своей матери, за ея смертью, благословенія на принятіе монашества, что его очень огорчало. Разъ онъ послѣ усиленной молитвы заснулъ. Во время сна къ нему явилась его родительница и, на просьбу сына о благословеніи на иноческое подвижничество, внятно произнесла слѣдующія слова: «благословить много, а доволить можно». О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, изд. 1, 29—30.

²³⁾ Юрьевъ монастырь отличался крайнею бѣдностію и запущенностію предъ вступленіемъ архимандрита Фотія въ управленіе этимъ монастыремъ въ 1822 году. Со времени архимандритства Фотія Юрьевъ монастырь сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ монастырей во всей Россіи. Въ 1823 году, по Высочайшему повелѣнію, ежегодно стали отпускать изъ казны на поддержаніе Юрьева монастыря 4900 р. Самою главною благотворительницею монастыря была графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, которая въ теченіе десяти лѣтъ на однѣ постройки израсходовала болѣе 700,000 рублей. На эти деньги и другія стараніемъ о. Фотія въ 1822 году возобновлена церковь Жень Мироносицъ на монастырскомъ подворьѣ въ Новгородѣ; въ 1823 году построена въ монастырѣ церковь Всемиловливаго Спаса съ двумя придѣлами и церковь всемірнаго Воздвиженія Креста Господня; въ 1824 году украшена соборная церковь во имя Спаса; въ 1825—1827 годахъ вполнѣ обновленъ соборный храмъ св. великомученика Георгія и пристроены къ нему придѣлы святителя Θεоктиста, тамъ почитающаго, паперть и ризница; въ то же время выстроены особый братскій корпусъ; въ 1827 году построена каменная ограда съ кладовыми на монастырскомъ подворьѣ; въ 1828—1831 годахъ совершенно обновленъ принадлежащій Юрьеву монастырю скитъ, а въ монастырѣ построена церковь во имя Божіей Матери Неопалимыя Курины съ

лѣтними настоятельскими кельями, съ больничнымъ корпусомъ, башнею и церковію во имя архистратига Михаила и др.

Кромѣ того графиня Орлова пожертвовала на содержаніе монастыря и живущей въ немъ братіи въ разныхъ процентныхъ билетахъ 625 тысячъ р. ассигнаціями и болѣе 473 тысячъ рублей серебромъ, съ тѣмъ, чтобы капиталъ оставался неприкосновеннымъ, а получаемые съ него проценты шли на благоустройство монастыря и содержаніе братіи. Историческое описаніе Юрьева монастыря, архимандрита Макарія, стр. 83—84,—9—11, 36.

²⁴⁾ Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подъ указываемымъ здѣсь «избраннымъ орудіемъ благодати божіей» разумѣется архимандритъ Фотій, а подъ исцѣленною извѣстная исцелительница приключеній *Фотина Павловна*.

Это была еще молодая дѣвица, нѣкоторое время состоявшая на театральной сценѣ. О. Фотій иногда читалъ заклинанія надъ бѣсноватыми. Фотина является къ Фотию въ Юрьевъ монастырь и таинственно объявляетъ ему, что ей было откровеніе о томъ, что только одинъ Фотій можетъ освободить ее отъ бѣснованія. Фотій сталъ читать надъ нею заклинательныя молитвы и бѣсъ, по словамъ больной, скоро оставилъ ее. По исцѣленіи Фотины архимандритъ Фотій отвелъ ей помѣщеніе подлѣ монастыря и окружилъ ее своими заботами, не замѣчая того, что дѣлается жертвою самаго возмутительнаго обмана. Фотина начала рассказывать, что ей бывають разные откровенія, видѣнія святыхъ. Фотій, хотя и довѣрялъ ей, но все таки иногда провѣрялъ ея рассказы, посылалъ сначала своего келейника посмотрѣть что дѣлаетъ исцѣленная Фотина. Последняя между тѣмъ вошла въ сдѣлку съ келейникомъ, который сталъ докладывать архимандриту, что она молится, что въ ея комнатахъ видѣвъ таинственный свѣтъ и пр. По совѣту Фотины, подкрѣпленному разговоромъ объ особомъ видѣніи, о. Фотій сталъ приглашать дѣвицъ сосѣднихъ деревень на слушаніе вечерняго правила въ монастырь и устроилъ для нихъ особые хитоны. Охотницъ явилось множество, и нѣкоторыя изъ нихъ оставались даже на ночь въ монастырѣ. Тутъ происходили безпорядки, явились сиплетни и ропоть окрестныхъ крестьянъ. Митрополитъ Серафимъ сдѣлалъ строгій выговоръ архимандриту Фотию и Фотина была переведена въ Феодоровскій Переяславльскій монастырь. По смерти Фотія, матеріально поддерживавшаго ее и въ этомъ монастырѣ, Фотина оставила Феодоровскій монастырь, вышла замужъ за своего кучера и умерла отъ дурного обращенія съ нею мужа.

Графиня А. А. Орлова сразу разгадала Фотину и убѣждала Фотія, что Фотина обманываетъ его. Фотій не обратилъ вниманія на неоднократныя убѣжденія графини Орловой и поплатился. Въ библиотекѣ Юрьева монастыря есть переплетеная въ четверть листа книга, на первой страницѣ которой находится заглавіе: «повѣсть зѣло чудна о нѣкоей дѣвицѣ, избавившейся отъ нечистаго духа». Повѣсть начинается съ общихъ разсужденій и на второй страницѣ, гдѣ писатель хотѣлъ перейти къ самому предмету повѣсти, прерывается на-полу-словъ. Очень можетъ быть, что Фотій описывалъ здѣсь исторію исцѣленія Фотины, но графиня Орлова, послѣ уже его смерти, уничтожила ему

повѣсть, оставивъ только предисловіе къ ней. Русскій архивъ, 1870 годъ, стр. 893—900. Фотина Павловна.

Вышеприведенными указаціями разъясняются вѣкоторыя дѣйствія князя С. А. Шахматова. Очень вѣроятнымъ авторомъ и переписчикомъ повѣсти объ ищѣленіи бѣсноватой былъ самъ князь Сергій. По крайней мѣрѣ повѣсть, посланная имъ къ братьямъ, была, по ихъ словамъ, написана самимъ Сергіемъ. Если только принять вѣрнымъ подобнаго рода предположеніе, то находящаяся въ настоящее время въ Юрьевѣ монастырѣ рукопись есть та самая, которую князь Сергій отправлялъ къ своимъ братьямъ. Неожиданное требованіе князя Сергія о немедленномъ возвращеніи рукописи, предъявленное имъ къ братьямъ, находилось, безъ сомнѣнія, въ связи съ исторіею Фотины, которая вдругъ приняла крайне невыгодный для архимандрита Фотія оборотъ.

²⁵⁾ Въ сентябрѣ 1830 года пріѣхалъ въ Юрьевъ монастырь князь Платонъ Александровичъ Ш. Шахматовъ съ своимъ семействомъ, прожилъ въ монастырѣ около недѣли и говѣлъ здѣсь. Князь Платонъ Александровичъ, занимавшій долгое время мѣсто директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія при А. С. Шишковѣ, самъ впоследствии былъ министромъ народнаго просвѣщенія и умеръ въ 1853 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки